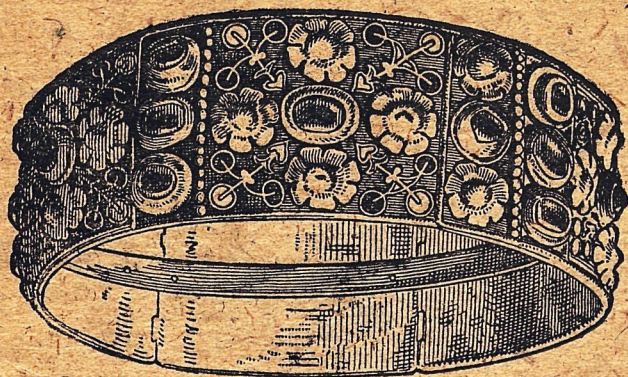
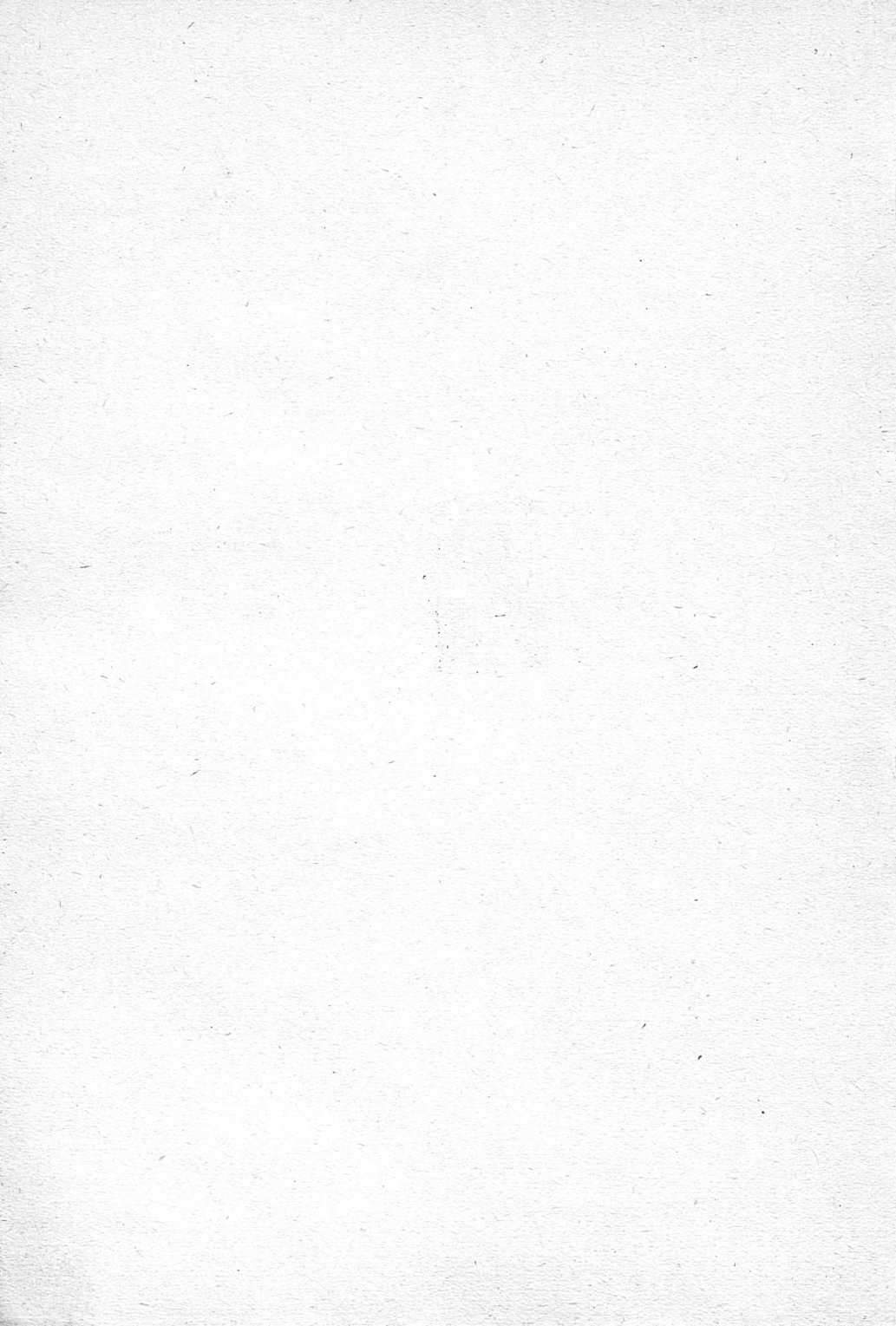

РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ
ВИБЕЛУНГИ

РИХАРДЪ ВАГНЕРЪ.

ВИБЕЛУНГИ.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ НА ОСНОВАНІИ СКАЗАНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО
С. ШЕНРОКА.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ
ЭМИЛІЯ МЕТНЕРА
И
МАКСА ЦЕНКЕРА.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МУСАГЕТЬ».
1913.

120684

«ВИБЕЛУНГИ» ВАГНЕРА.

I.

Х. С. Чемберленъ справедливо называетъ статью Вибелунги «осадкомъ издалека начатыхъ историческихъ студій, поводъ къ которымъ поданъ былъ планомъ драмы Фридрихъ Барбаросса» (R. Wagner S. 364).

Въ вступительныхъ словахъ къ Вибелунгамъ Вагнеръ выражаетъ надежду, что «внимательный читатель» самъ пойметъ тѣ основанія, по которымъ пришлось оставить безъ выполненія драматическій планъ Фридрихъ Барбаросса. Однако представляется далеко не лишнимъ облегчить даже и «внимательному», но не посвященному въ вагнеріанскія проблемы, читателю пониманіе этого важнаго принципіальнаго шага, этого отступленія, стратегически необходимаго и своевременно выполненнаго, безъ котораго была бы произведена бесполезная для основной задачи Вагнера трата времени и силъ.

II.

Словно въ оазисъ пустыни чувствовалъ себя Вагнеръ среди работы надъ партитурой Лоэнгрина,

начатой въ сентябрѣ 1846 г., законченной въ августѣ 1847 г.

Намѣренія его были невѣрно толкуемы даже тѣми, у которыхъ имѣли успѣхъ его «романтическія оперы».

Въ то время, какъ эти произведенія разсматривались самимъ авторомъ, какъ исканія драмы, его почитатели видѣли въ нихъ только все болѣе и болѣе высокія достиженія оперы, за горизонтъ которыхъ ихъ взоръ не проникалъ.

Въ то время, какъ Вагнеръ подходилъ вплотную къ поворотному пункту своего творчества, совпавшему по времени съ срединной точкой его жизненнаго пути (1813—1848—1883), легіонъ противниковъ видѣлъ въ его подъемномъ поступательномъ движеніи постепенный упадокъ, движеніе по наклонной плоскости отъ грубаго варварства къ водянистой сентиментальности.

Въ такомъ одиночествѣ создавая музыку къ Лопэ-гину и одновременно погружаясь въ чтеніе Эсхила, Аристофана, Платона, древнихъ памятниковъ германской словесности и относящихся ко всѣмъ этимъ предметамъ научныхъ изслѣдованій, Вагнеръ, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ жизнеописаніи (Mein Leben B. I. S. 408), подводилъ итогъ прошлому и возводилъ зданіе будущаго, при чемъ огромная внѣшняя и внутренняя работа, совершенно чуждая окружающему его міру, не изнуряла его, а только «укрѣпляла здоровье и доводила расположеніе духа до радостной настроенности, которая почти не способна была чѣмъ-либо омрачиться и заставила на долгое время забыть о всѣхъ тягостяхъ жизни» (ibidem).

«... Лопэ-гриноу кончается старый оперный міръ; духъ витаетъ надъ водами и воцаряется

свѣтъ!» Такъ *post factum*, въ 1858 г., воскликнулъ патетически Листъ. Но тогда, одиннадцатю годами ранѣе, ни единая душа не чувствовала этого свѣта и онъ жилъ въ одиноко-ликующей душѣ одного только автора Лозенгринна, отражаясь въ серебряныхъ и голубыхъ его мелодіяхъ.

Вотъ около этого времени и овладѣли воображеніемъ Вагнера одновременно двѣ поэтическія задачи: Зигфридъ и Фридрихъ Барбаросса.

«Особенностями своего содержанія», говоритъ Вагнеръ, «онѣ имѣли для меня почти одно и то же значеніе» (Сообщеніе друзьямъ)...

III.

Міеъ или исторія? Предстояло рѣшить, что написать: музыкальную драму или только словесную? Вагнеръ описываетъ въ томъ же Сообщеніи, какъ онъ, углубившись въ изученіе германскаго міеа, снималъ съ него одно за другимъ историческія одѣянія, въ которыя его произвольно облакала фантазія различныхъ поэтическихъ эпохъ, пока передъ нимъ не всталъ обнаженнымъ правдивый человѣкъ міеа и онъ не почувствовалъ волненія его крови и сокращенія его мускуловъ.

Фридрихъ Барбаросса представился Вагнеру въ томъ же аспектѣ, что и міеотворческому взгляду всего нѣмецкаго народа, именно какъ перевоплощеніе Зигфрида.

Вагнеръ набросалъ планъ драмы Барбаросса, полагая, что въ этомъ историческомъ воплощеніи

Зигфридъ окажется ближе современному образу мыслей нѣмцевъ, увлеченныхъ политическимъ объединеніемъ своего отечества.

Въ своемъ жизнеописаніи (Mein Leben B. I, S. 446—447) онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«...Эта фигура стояла передо мной въ полнотѣ силы и величія. Не имѣя возможности провести въ жизнь свои идеальныя стремленія, онъ отказывается отъ нихъ сознательно, и это самоограниченіе, возбуждая участіе къ герою, должно подчеркнуть всю сложность существованія на землѣ. Эту драму я хотѣлъ написать въ формѣ народныхъ стиховъ, въ стилѣ средне-нѣмецкаго эпоса. Образцомъ мнѣ рисовалась поэма Александръ священника Ламберта. Содержаніе я набросалъ въ самыхъ общихъ чертахъ и въ немногихъ строкахъ. Драма была разбита на пять дѣйствій. Первое дѣйствіе: рейхстагъ въ Ронкалійскихъ поляхъ, демонстрація королевской власти, повелѣвающей даже стихіями. Дѣйствіе второе: Осада и взятіе Милана. Дѣйствіе третье: измѣна Генриха Льва и пораженіе при Лугано. Дѣйствіе четвертое: рейхстагъ въ Аугсбургѣ, покорность и наказаніе Генриха Льва. Дѣйствіе пятое: рейхстагъ и дворъ въ Майнцѣ, миръ съ ломбардцами, примиреніе съ папой, принятіе креста и отбытіе на востокъ». (Р. Вагнеръ, *Моя жизнь*, пер. Г. А. Ефрона, С.-Петербург., 1911, т. II, стр. 163).

Но вскорѣ Вагнеръ долженъ былъ признать, что сложную историческую цѣпь событій царствованія Фридриха немисливо завязать въ простой драматическій узелъ безъ того, чтобы не насиловать исторической документальной правды. И тутъ Вагнеръ понялъ, что, взявъ Барбароссу какъ свою художническую задачу, онъ оказался (подобно са-

мому герою, императору Фридриху), въ безысходномъ противорѣчїи, ибо и онъ хотѣлъ выявить мнѣшечское въ томъ, что по характерному трагическому устрѣмленію своему было именно историческимъ.

Тогда Вагнеромъ овладѣло сознаніе негодности чистой исторїи для цѣлей искусства. И въ то же время передъ нимъ выросла впервые въ отчетливой постановкѣ проблема значимости чисто-словесной драмы для будущаго.

IV.

Въ періодъ Ріенци, когда Вагнеръ писалъ еще оперы, онъ, конечно, не задумываясь сдѣлалъ бы изъ Барбароссы то же самое, что и съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ романа Бульвера; но теперь онъ понялъ, что даже средневѣковая, изъ лѣтописи родного народа заимствованная драма, разъ она не поддается полному высвобожденію изъ историческихъ относительностей и изъ политической запутанности, неспособна стать музыкальной, а должна остаться словесной.

Никогда Вагнеръ не сталъ бы писать и музыкальной драмы Наполеонъ, хотя онъ былъ единственнымъ композиторомъ и драматургомъ послѣнаполеоновской эпохи, который былъ бы въ состоянїи дать музыкально-лирический и сценический образъ Наполеона, вычеканить ему лейтмотивы и ситуации, какъ «укротителю тигра», какъ «юному полубогу», который «разрушилъ міръ, чтобы своими силами создать новый», какъ «галльскому цезарю», не понявшему скрытыхъ силъ «нѣмецкаго юноши» (въ лицѣ

Теодора Кёрнера, съ мечемъ и лирой выступившаго въ бой), какъ «покаяннику св. Елены», поставившему «на мѣсто эллинской судьбы римскую политику»...— (Ges. W. IX, 82; I, 182; VIII, 96, 58, 46 и др.).

Вагнеру стало ясно, что въ будущемъ чисто-словесная драма большого стиля станетъ постольку рѣдкимъ явленіемъ, поскольку перестанутъ браться за историко-политическіе сюжеты.

Съ другой же стороны, чувствуя себя уже давно и несомнѣнно геніальнымъ музыкантомъ,—Вагнеръ вдругъ почуялъ окончательно размѣры и своего поэтического генія; зная же напередъ, что языкъ музыки подвластенъ ему совершенно, что никакой задержки, никакого тренія не можетъ быть при детальной работѣ надъ «положеніемъ текста на музыку» (какъ принято антивагнеріански выражаться), что самое это «положеніе» есть въ значительной степени и выявленіе «музыки» самого «текста», ибо въдѣ «текстъ» порожденъ «духомъ музыки»; навѣрное теперь уже зная все это, Вагнеръ могъ вполне отдаться музыкальной драмѣ, творя ея поэтическую часть совершенно свободно, свободнѣе даже, нежели какой-нибудь Лорцингъ, который самъ мастерилъ себѣ изъ театральныхъ пьесъ оперныя либретто (см. С о о б щ е н і е д р у з ь я м ъ).

V.

Итакъ, возвращаясь къ Барбароссѣ, слѣдуетъ сказать (отчасти словами самого автора), что драматизированіе жизни великаго императора оставило бы безъ дѣла музыкальный геній Вагнера,

а его мистическая поэзія вынуждена была бы «подчинить себя политической спекуляціи»; въ итогѣ неизбѣжно было бы «отреченіе отъ своей художественной природы».

Отнынѣ духъ музыки долженъ былъ стать единымъ избирателемъ драматизируемой матеріи.

Вотъ почему въ своемъ жизнеописаніи (Mein Leben B. I, S. 447) Вагнеръ, полагая, что внутренніе мотивы отказа отъ Фридриха Барбароссы должны быть извѣстны всѣмъ друзьямъ его искусства, ограничивается слѣдующими словами, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ и возникновеніе этюда о вибелунгахъ.

«...Интересъ къ разработкѣ этой драмы, однако, сейчасъ же во мнѣ угасъ: его вытѣснилъ аналогичный миеъ о Нибелунгахъ и сказаніе о Зигфридѣ, совершенно меня захватившіе. Сходство концепціи побудило меня вникнуть въ эту область, въ которой исторія соприкасается съ сагой, и я набросалъ на бумагу кой-какія мысли на эту тему, при чемъ пользовался найденными въ королевской библіотекѣ монографіями авторовъ, именъ которыхъ я теперь не помню. Въ нихъ я нашелъ много цѣнныхъ указаній относительно идеальной сущности королевской власти въ Германіи. Возникло, такимъ образомъ, довольно значительное изслѣдованіе, убившее всякое стремленіе къ разработкѣ названной выше драмы. Впослѣдствіи я издалъ его подъ названіемъ: Вибелунги».

«Тутъ же я приступилъ къ письменной разработкѣ матеріала. При всей своей сложности связь средневѣковаго міа о Нибелунгахъ, во всѣхъ его главныхъ чертахъ, съ міеомъ о германскихъ божествахъ вообще, выступила съ полной отчетливостью. При этомъ

выяснилась возможность одну изъ главныхъ частей его выдѣлить въ самостоятельную музыкальную драму» (М о я ж и з н ь, т. II, стр. 163).

Помимо монографій неизвѣстныхъ авторовъ Вагнеръ, на стр. 408 жизнеописанія (томъ I), упоминаетъ: П ѣ с н ь о Н и б е л у н г а х ъ, К н и г у о г е р о я х ъ (Der Helden Buoch 1491) т.-е. сборникъ древнихъ германскихъ поэмъ (который, вѣроятно, онъ читалъ въ изданіи фонъ-деръ-Хагена 1825 г., имѣющемся въ Дрезденской Библіотекѣ); далѣе: изслѣдованія о героической сагѣ Франца Іосифа Моне (1796—1871), которыя, какъ Вагнеръ признается, плѣнили его богатствомъ и смѣлостью, несмотря на то, что спеціалисты подвергали ихъ цѣнность сомнѣніямъ.

Съ книгами Моне въ рукахъ Вагнеръ изучалъ Wälsungasaga, что оказало, какъ онъ самъ утверждаетъ, огромное вліяніе на все дальнѣйшее теченіе поэтического творчества въ К о л ь ц ѣ.

Забывъ, какъ сказано выше, названія прочитанныхъ монографій, и въ то же время утверждая въ вступительномъ замѣчаніи къ В и б е л у н г а м ъ, будто эта статья не даетъ ничего новаго, Вагнеръ задалъ хорошую работу германистамъ-филологамъ и своимъ біографамъ; задачу—въ родѣ той, что заключается въ отысканіи документальныхъ первоисточниковъ ко всѣмъ частямъ и моментамъ К о л ь ц а.

Мы же знаемъ одинъ первоисточникъ, не писанный, но предметный, это—чувство исконнаго прародимаго очага, das bildende Bewusstsein von der urheimischen Innigkeit, какъ выражается въ своемъ жизнеописаніи Вагнеръ (В. I, S. 408).

VI.

Это чувство породило ретроспективно-миѳическую интуицію, руководившую не только Вагнеромъ, но, конечно, и Моне, которымъ Вагнеръ зачитывался, руководившую и забытымъ нынѣ русскимъ писателемъ половины прошлаго вѣка А. Вельтманомъ, который оставилъ увлекательныя книги: *И н д о - г е р м а н ы* или *С а й в а н е*, *Д о н ъ*, *А т т и л а*, *П е р в о - б ы т н о е в ѣ р о в а н і е* и *б у д д и з м ъ* и др., гдѣ рѣчь также идетъ объ индогерманскомъ царствѣ. Привожу двѣ выдержки изъ этихъ старинныхъ, библиографически-рѣдкихъ и очень странныхъ книгъ.

«Владѣтельный царственный родъ Индіи, избираемый изъ верховнаго сословія *Р а с с а н ѣ* (*Р а д - ж а н ѣ*), вель свое происхожденіе, по посвятиію, отъ *А р а* (*Арей*, *Марсъ*) или *Х а р о* (*Вишну* въ свойствѣ побѣды); и потому назывался *А р ѣ я* (*Ареевскій*). На тѣхъ же условіяхъ царственный родъ Славянъ былъ *Р у с с к і й* *Ю р ѣ в с к і й* (соотв. *Herous*, *Heroicus*, *ἡρώς*, *ἄριστος*, *Ἡρώδης*, *Ἡρακλῆως*, *Herculeus*), по иному нарѣчію *Т у р о в - с к і й*, отъ *Туро* (*Юрій*)». (*И н д о - г е р м а н ы* или *С а й в а н е*. Москва, 1856, стр. 170).

«*Völsunga Saga* описываетъ иносказательно происхожденіе Юрьевского или Русскаго рода. Она говоритъ, что *Sigi* (что собственно значить *п о б ѣ д а*, *в и т я ж с т в о*, *в и т я з ъ*) былъ, по преданію, сынъ *Одена* (т.-е. *Наро*)... Онъ овладѣлъ многими землями и царствовалъ надъ *Hunaland*. У *Sigi* былъ сынъ *Reri*, великанъ ростомъ, могучій по силамъ. Здѣсь ясно, что *Sigi*—*п о б ѣ д а*, воплощается въ *Юрія*. Отъ *Reri*, т.-е. *Юрія*, произошли *Völsungi*,

т.-е. Welschen, Вильцы—в е л и ц и и. Родоначальникъ ихъ (Völsung) насадилъ въ своихъ палатахъ древо рода, которое величественно возросло и раскинуло вѣтви свои; оно называлось древо витязной дѣвы*)» (Аттила и Русь IV и V вѣка. Москва 1858, стр. 125—126).

Различіе между направленіями научныхъ фантазій Моне или Вагнера и Венелина или Вельтмана коренится въ симпатіяхъ первыхъ къ тевтонскому и готскому началу, а послѣднихъ къ началу русскому и вендскому. Однако современная этнографія склонна видѣть ближайшее расовое родство между чистыми «германцами» и чистыми «славянами», а противоборствующія свойства типоваго характера тѣхъ и другихъ, отражающіяся и въ бытѣ и въ идеалахъ общественныхъ и художественныхъ, придаютъ только явленіямъ славо-германскаго, въ особенности, культурнаго творчества ту своеобразную жизненную гибкость и трепетность, которая насъ плѣняетъ въ саксонскомъ (т.-е. типично-славо-германскомъ) искусствѣ Вагнера, Шумана, или въ столь излюбленномъ русскими саксонцѣ Ницше...

VII.

Что означенныя фантазіи вовсе не безпочвенно-фантастичны, явствуетъ изъ работъ строго-спеціальныхъ. Такъ напримѣръ, Эрнстъ Мейнкъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи (Die sagenwissenschaft-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что мать Вельзунга, отъ котораго пошли Вельзунги, зачала, съѣвъ яблоко; роды длились шесть лѣтъ и ребенокъ былъ вырѣзанъ, подобно предку Юлія Цезаря. (Völsungasaga etc., übers. v. Friedrich Heinrich v. d. Hagen, Breslau 1815). *Примѣчаніе Э. М.*

lichen Grundlagen der Nibelungendichtung Richard Wagner's. Berlin 1892, S. 177—178) говоритъ слѣдующее «о предкахъ Сигурда (Зигфрида)—вельзунгахъ»: «эту исторію... содержитъ въ себѣ... только Völsungasaga; пѣсни Эдды, которыми эта сага воспользовалась, безслѣдно исчезли; нѣмецкія поэмы ничего объ этомъ не вѣдаютъ (W. Grimm Heldensage. S. 381). Герои суть эпигоны боговъ; ихъ родъ беретъ отъ нихъ все начало; и Сигмундъ—прямой потомокъ Одина»; приведя затѣмъ болѣе подробную генеалогію, Э. Мейнкъ продолжаетъ: «въ то время какъ, по Лахману, Nibulunga, дѣти тумановъ—сверхчеловѣчскій кланъ, происходящій изъ мрачнаго мгlistаго царства смерти, Volsûngâr (отъ сѣвернаго Vols—великолѣпіе, гордость), т.-е. Вользунги,—царственной родъ ведущій свое происхождение отъ бога, родъ свѣтлый, отчего у Сигурда и у его потомковъ блестящіе вользунговы глаза; эту противоположность между вельзунгами и nibelungами использовалъ и провелъ Вагнеръ всюду въ своемъ Кольцѣ. По иному толкуетъ это происхождение Я. Гриммъ (Zeitschrift für deutsches Altertum I, S. 3); Вельзе, Wals, Walis онъ производитъ отъ готскаго прилагательнаго valis-*υλησος*, избранный, и потому называетъ его подлиннымъ любимцемъ бога. Напротивъ Расманъ, въ своемъ изданномъ въ 1857 г. сочиненіи Die Sage von den Wolsungen und Niflungen, приводитъ въ связь имя Вельзе съ славянскими Волось, Власъ или Велесь, который былъ богомъ плодородія; какъ таковой, разсуждаетъ Расманъ, этотъ богъ соотвѣтствовалъ Одину; Велесь—проименованіе (Beiname) и оно было извѣстно германцамъ, населявшимъ востокъ и близко соприкасавшимся со славянами; такимъ путемъ, по мнѣнію Расмана, легче всего объяснить то, что имя Вельзунгъ

стало эпонимомъ новаго отъ Одина происходящаго рода».

Приведя эти соображенія Расмана, Э. Мейнкъ отмѣчаетъ въ связи съ ними слѣдующую важную подробность. Въ первой драматической обработкѣ мифа о нибелунгахъ именно въ Смерти Зигфрида (1852 г.) у Вагнера Вельзе происходитъ отъ Вотана, а въ Валькиріи (1853 г.) Вотанъ самъ выступаетъ подъ новымъ именемъ Вельзе, именемъ же Вельзунгъ обозначается совершенно правильно (по мнѣнію Э. Мейнка) только самый героическій родъ.

Вотъ свидѣтельства специалистовъ, которыя являютъ собой базисъ для болѣ смѣлыхъ интуитивныхъ постиженій такихъ «оригиновъ», какъ А. Вельтманъ или авторъ Вибелунговъ.

Не довольствуясь однако приведенными ссылками, мы присоединяемъ къ статьѣ Вагнера лекцію профессора Макса Ценкера. Лекція эта превосходно освѣщаетъ работу Вагнера съ точки зрѣнія историка-специалиста, сумѣвшаго выявить согласіе прозрѣній автора Кольца и Вибелунговъ съ данными строгой науки, хотя самъ Вагнеръ и признаетъ (Sämtliche Werke IV 814), что историко-юридической критикѣ его Вибелунги не подлежатъ.

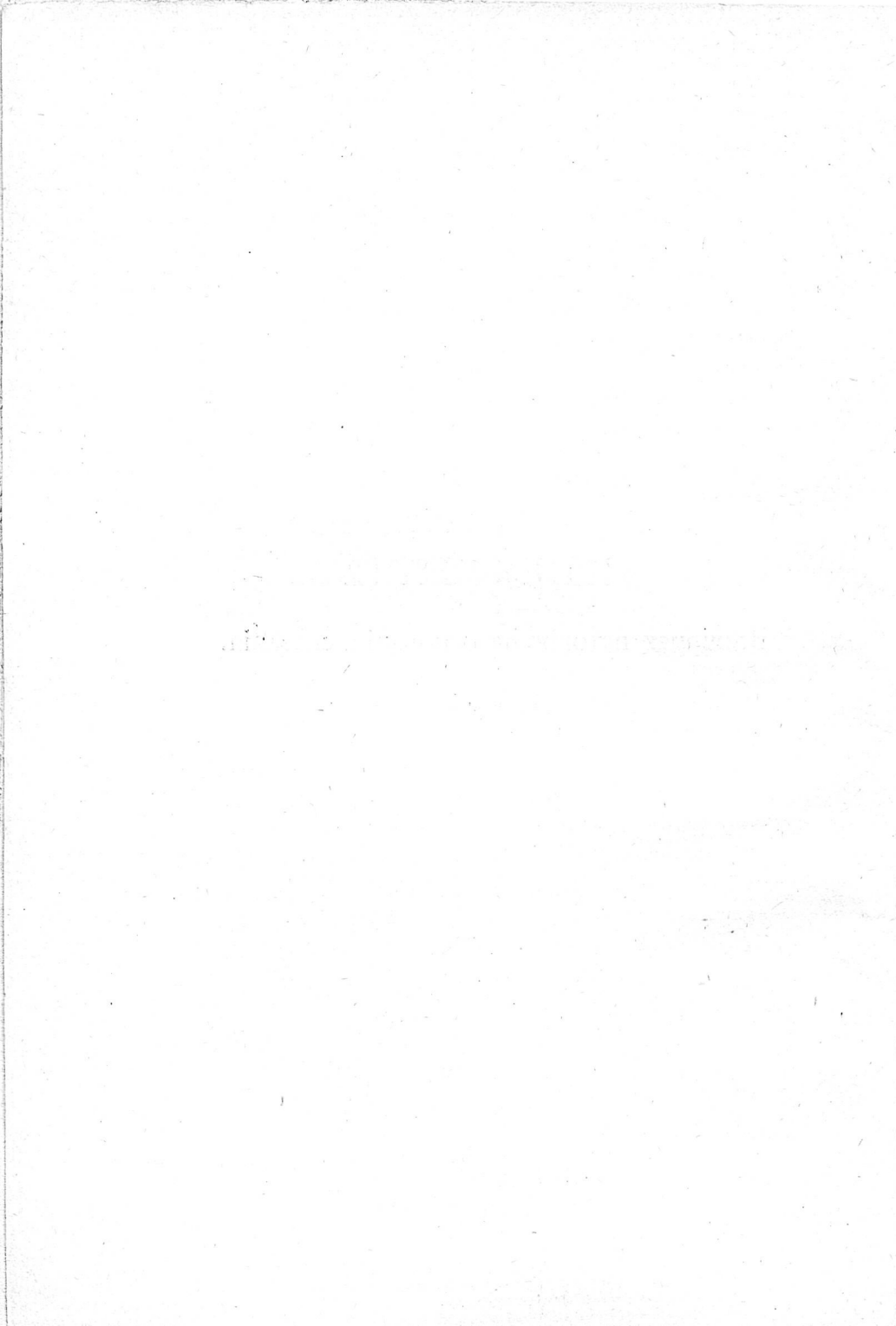
Эмилій Метнеръ.

Май 1913.

ВИБЕЛУНГИ.

Всемірна історія на основанні сказанія.

(1848).

Ожидаемое столь многими, въ недавнемъ богатомъ чаяніи прошломъ, пробужденіе Фридриха Барбароссы захватило и меня. Оно побудило съ усиленнымъ рвеніемъ приняться за осуществленіе давно уже питаемаго мною желанія оживить на нашей сценѣ моимъ слабымъ художественнымъ дыханіемъ этого царственного героя. Результаты занятій, посредствомъ которыхъ я старался овладѣть моимъ матеріаломъ, изложены мною въ подлежащей работѣ. Если она и не содержитъ въ своихъ частностяхъ ничего новаго для изслѣдователя или для освоившагося съ соотвѣтствующею вѣтвью литературы читателя, то сочетаніе этихъ частныхъ и ихъ использованіе представлялись нѣкоторымъ изъ моихъ друзей достаточно интересными, чтобы оправдать опубликованіе этой маленькой статьи. На послѣднее я рѣшаюсь тѣмъ охотнѣе, что эта предварительная работа останется единственнымъ плодомъ моихъ трудовъ надъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ, такъ какъ именно благодаря ей я рѣшилъ отказаться отъ моего драматическаго плана, по основаніямъ, которыя не укроются отъ внимательнаго читателя.

ПЕРВОБЫТНАЯ ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Приходъ европейскихъ народовъ съ востока сохранился въ ихъ памяти до самыхъ позднихъ временъ. Это воспоминаніе, хотя и очень искаженное, запечатлѣлось въ сказаніяхъ. Возникновеніе у различныхъ народовъ царской власти, сохраненіе ея въ предѣлахъ одного опредѣленнаго рода, вѣрность, съ которою, даже при глубочайшемъ вырожденіи этого рода, права на царскую власть признавались единственно только за нимъ—должны были имѣть глубокое основаніе въ народномъ сознаніи; оно покоится на воспоминаніи объ азіатской прародинѣ, о происхожденіи народовъ изъ семьи и о власти главы семейства, родоначальника, «происшедшаго отъ боговъ».

Чтобы, отправляясь отсюда, дойти до конкретнаго представленія, мы должны мыслить себѣ это отношеніе первобытныхъ народовъ приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Ко времени, которое большая часть сказаній разумѣетъ подъ всемірнымъ или великимъ потопомъ, когда сѣверное полушаріе нашей земли было покрыто водой приблизительно такъ, какъ теперь южное *), величайшій островъ этого сѣвернаго мірового моря могъ быть образованъ высочайшею горною цѣпью Азіи, такъ называемымъ Индійскимъ Кавказомъ. На этомъ островѣ, на этомъ горномъ кряжѣ, слѣдуетъ искать прародину какъ теперешнихъ азіатскихъ народовъ, такъ и народовъ переселившихся въ Европу. Здѣсь мѣсто рожденія всѣхъ религій, всѣхъ языковъ, всѣхъ царствъ.

*) Эта гипотеза, какъ меня вскорѣ увѣрили, не вполне еще доказана.

Но первобытная царская власть есть патріархатъ: отецъ былъ воспитателемъ и учителемъ своихъ дѣтей; его авторитетъ, его ученіе казались дѣтямъ властью и мудростью какого-то высшаго существа, и чѣмъ многочисленнѣе становилось семейство, чѣмъ болѣе разрастались его отрасли, тѣмъ исключительнѣе, божественнѣе долженъ былъ казаться родоначальникъ, отъ котораго онѣ всѣ произошли не только тѣлесно, но которому были обязаны также и своею духовною и нравственною жизнью. Такъ какъ родоначальникъ наказывалъ и обучалъ одновременно, то въ немъ сами собою объединялись царская и жреческая власть, и его значеніе должно было возрастать, по мѣрѣ того, какъ семья разрасталась въ родъ и по мѣрѣ того, какъ власть первоначальнаго главы семьи переходила по наслѣдству къ его непосредственнымъ потомкамъ. И когда родъ привыкалъ видѣть въ нихъ своихъ вождей, то давно уже скончавшійся родоначальникъ, къ которому восходилъ ихъ безспорный авторитетъ, долженъ былъ показаться самимъ богомъ, или по крайней мѣрѣ земнымъ воплощеніемъ какого-нибудь идеальнаго божества; и это представленіе, становившееся со временемъ все болѣе и болѣе священнымъ, могло служить, въ свою очередь, только къ укрѣпленію на долгія времена авторитета того рода, ближайшіе отпрыски котораго были всегдашними вождями народа.

Когда потомъ земля, благодаря отливу водъ съ сѣвернаго и новому затопленію южнаго полушарія, приняла свой теперешній видъ, многочисленное населеніе этого горнаго острова ринулось въ новыя долины и въ постепенно высыхающія равнины. Достаточно выяснено, какія обстоятельства способствовали развитію патріархата у племенъ, населяющихъ

обширныя плодоносныя равнины Азіи, въ томъ направленіи, что этотъ патріархатъ отвердѣлъ въ монархическій деспотизмъ: развитіе племенъ, въ своемъ дальнемъ путешествіи на западъ достигшихъ наконецъ Европы, было болѣе бурнымъ и болѣе свободнымъ. Постоянная борьба и лишенія въ суровыхъ мѣстностяхъ своевременно вызвали въ людяхъ, принадлежавшихъ къ этимъ племенамъ, чувство и сознаніе самостоятельности индивидуума, и ближайшимъ слѣдствіемъ этого оказалось образованіе общины. Глава каждой семьи пользовался властью надъ ней подобно тому, какъ родоначальникъ, по древнему обычаю, распространялъ свою власть на цѣлый родъ; царь находилъ такимъ образомъ въ общинѣ, состоящей изъ главъ семействъ, противовѣсъ своей власти и въ концѣ концовъ ея ограниченіе. Но самымъ существеннымъ было то, что цари утратили свои жреческія права, т. е. прежде всего истолкованіе божественныхъ изреченій (созерцаніе божества), такъ какъ этимъ правомъ пользовался теперь глава каждой отдѣльной семьи для нея, подобно тому, какъ праотецъ пользовался имъ для своей. За царемъ осталось тогда, главнымъ образомъ, примѣненіе и исполненіе уже знакомыхъ членамъ общины божественныхъ велѣній, въ общихъ интересахъ и въ духѣ народныхъ нравовъ. Чѣмъ болѣе рѣшенія общины сводились къ свѣтскимъ правовымъ понятіямъ, именно къ праву собственности, а право индивидуума—къ интересу послѣдняго, тѣмъ болѣе должно было то богосозерцаніе, которое первоначально считалось верховнымъ источникомъ власти родоначальника, переходить въ частное мнѣніе при свѣтскихъ спорныхъ случаяхъ; религіозный же элементъ отеческой власти исчезалъ все болѣе и болѣе; онъ долженъ былъ сохраниться

лишь въ отношеніи народной общины къ особѣ царя и его непосредственныхъ родственниковъ; царь былъ видимымъ воплощеніемъ единства всѣхъ членовъ рода; въ немъ видѣли наслѣдника праотца далеко разросшагося рода, въ каждомъ членѣ его семьи—чистѣйшую кровь, отъ которой произошелъ весь народъ. Если же со временемъ стиралось все болѣе и болѣе и это представленіе, то тѣмъ глубже укоренялись въ сердцахъ народа трепетъ и благоговѣніе предъ царскимъ родомъ, чѣмъ непостижимѣе становился для него первоначальный источникъ избранности этого рода, по отношенію къ которому сохранялся въ силѣ только древній обычай, что лишь изъ него, а не изъ кого-либо другого, могутъ быть избираемы наслѣдственные цари; если мы находимъ такое отношеніе у всѣхъ почти переселившихся въ Европу народовъ и узнаемъ его вполнѣ ясно въ примѣненіи къ наслѣдственнымъ родовымъ царямъ доисторической Греціи, то всего нагляднѣе обнаруживается оно среди германскихъ племенъ и здѣсь прежде всего въ древнемъ королевскомъ родѣ франковъ, гдѣ подъ именемъ «Вибелинговъ» или «Гибелиновъ», древнее притязаніе на царскую власть возросло до требованія мірового господства.

Франкскій королевскій родъ выступилъ въ исторіи впервые подъ именемъ «Мервинговъ»: намъ извѣстно, что и при глубочайшемъ вырожденіи этого рода, франкамъ все-таки никогда не приходило на умъ избрать себѣ короля изъ какого-нибудь другого рода, кромѣ этого; каждый мужской представитель этой семьи имѣлъ права на царствованіе, и если нельзя было выносить недостатковъ одного, то обращались къ другому, но никогда не отступали отъ самой династіи; и это въ эпоху одичанія народныхъ

нравовъ, въ эпоху, когда при усердномъ подражаніи римской развращенности, почти совершенно разрушился ихъ изначальный благородный характеръ, такъ что народъ былъ бы дѣйствительно почти не узнаваемъ, если бы не его царскій родъ. Было похоже на то, какъ если бы народъ сознавалъ, что безъ этого королевскаго рода онъ перестанетъ быть франкскимъ народомъ. Представленіе о неразрушимой власти этого рода должно было глубоко корениться и тогда, когда онъ, много спустя, послѣ жесточайшей борьбы и послѣ того, какъ онъ уже возвысился до своего высочайшаго идеальнаго значенія, былъ вырванъ съ корнемъ, такимъ образомъ, что его исчезновеніе привело въ то же время съ собою и начало совершенно новаго мірового строя. Мы разумѣемъ паденіе «Гибелиновъ».

НИБЕЛУНГИ.

Неутомимое стремление и вѣчный порывъ людей и поколѣній къ никогда не достигнутымъ цѣлямъ получаетъ обыкновенно изъ древнихъ народныхъ сказаній объясненіе болѣе удовлетворительное, чѣмъ то, которое можно извлечь изъ ихъ проявленія въ го-лой исторіи, передающей намъ только слѣдствія ихъ существенной особенности. Если мы правильно пой-мемъ народное сказаніе о франкскомъ королевскомъ родѣ, то мы найдемъ въ немъ такое замѣчательное объясненіе его историческаго происхожденія, кото-раго не можетъ намъ дать никакой другой способъ разсмотрѣнія.

Несомнѣнно, что сказаніе о Нибелунгахъ является наслѣдственнымъ достояніемъ франкскаго племени. Исслѣдователю извѣстно, что основа этого сказанія носитъ религіозно-мистическій характеръ; его глубочайшее значеніе заключалось въ древнемъ осознаніи франкскимъ племенемъ души своего коро-левскаго рода, какое бы имя онъ ни носилъ на своей древней азіатской прародинѣ.

Отъ древнѣйшаго значенія мифа, въ которомъ Зигфридъ выступаетъ какъ богъ свѣта или солнца, мы хотимъ здѣсь отвлечься; для бѣглаго указанія на его связь съ исторіей, мы воспроизведемъ здѣсь сказаніе, начиная лишь съ тѣхъ поръ, когда древніе герои уже предстаютъ облеченными въ человѣческія одѣянія. Здѣсь мы видимъ Зигфрида приобретаю-щимъ сокровище Нибелунговъ и чрезъ него неизмѣримую мощь. Это сокровище и заложенная въ немъ мощь составляютъ ядро, къ которому все дальнѣйшее развитіе сказанія относится, какъ къ неизмѣнному тѣлодоучію. Всѣ стремленія и вся

борьба вращаются вокруг сокровища Нибелунговъ, какъ символа всякой земной власти; и кто имъ владѣть, и кто благодаря ему повелѣваетъ, тотъ уже есть или становится Нибелунгомъ.

Франки, съ которыми мы знакомимся впервые исторически въ низовьяхъ Рейна, обладали королевскимъ родомъ, въ которомъ встрѣчается имя «Нибелунгъ»; оно встрѣчалось среди коренныхъ членовъ этого рода, которые еще до Хлодвигъ были вытѣснены однимъ своимъ родственникомъ Мервигомъ, но потомъ опять овладѣли королевскою властью подъ именемъ Пипинговъ или Карлингговъ. Этого пока довольно, чтобы установить, если не генеалогическое, то во всякомъ случаѣ миеологическое тожество франкского королевскаго рода съ тѣми сказочными Нибелунгами, которые въ своемъ дальнѣйшемъ, уже историческомъ, развитіи приняли несомнѣнныя черты изъ исторіи этого рода, сохранивъ своимъ основнымъ признакомъ—обладаніе сокровищемъ, какъ символомъ владѣтельской силы.

Франкскіе короли, по основаніи своего государства въ римской Галліи, побѣдили и покорили и остальные нѣмецкія племена, алеманновъ, баварцевъ, тюрингенцевъ и саксовъ: эти племена отнынѣ отнѣсились къ франкамъ какъ подчиненные; и если имъ обыкновенно оставлялись ихъ племенные обычаи, то все-таки ихъ поражали въ самое чувствительное мѣсто тѣмъ, что отнимали у нихъ ихъ династіи (собственно тѣ изъ королевскихъ династій, которыя еще не погибли сами къ этому времени). Эта утрата впервые заставила ихъ замѣтить, какъ слѣдуетъ, свою зависимость, и вмѣстѣ съ нею оплакивали они свою національную свободу, потому что теперь у нихъ былъ отнятъ даже и символъ ея. И

хотя героическая слава Карла Великаго, въ могуществѣ котораго достигло, казалось, полной силы сѣмя, заключенное въ сокровищѣ Нибелунговъ, и могла разсѣять на нѣкоторое время глубокое недовольство германскихъ племенъ, заставивъ ихъ постепенно забыть блескъ ихъ собственныхъ царствующихъ домовъ,—но все-таки ихъ нерасположеніе никогда не исчезало вполнѣ и при наслѣдникахъ Карла оно возродилось снова съ такою силою, что стремленію покоренныхъ нѣмецкихъ племенъ къ освобожденію отъ франкскаго владычества и слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать распадъ огромнаго государства и выдѣленіе изъ него Германіи въ узкомъ смыслѣ. Полное освобожденіе также и отъ власти упомянутаго королевскаго дома могло все-таки совершиться лишь гораздо позднѣе; потому что, если чисто нѣмецкія племена и объединились теперь въ независимое королевство, то связью, объединяющею прежде совершенно самостоятельныя и отдѣльныя другъ отъ друга племена, было именно королевское достоинство; это королевское достоинство могло быть воспринято единственно только отъ какого-нибудь члена франкской королевской династіи. Все внутреннее движеніе, происходившее въ Германіи, имѣло поэтому цѣлью достиженіе независимости отдѣльныхъ племенъ, возстановленіе власти вновь выступившихъ древнихъ царствующихъ родовъ и уничтоженіе объединяющей королевской власти, носителемъ которой былъ этотъ ненавистный чужой родъ.

Поэтому, послѣ того какъ въ Германіи совершенно вымерли всѣ мужскіе представители династіи Карлинговъ, наступаетъ моментъ, когда полное отдѣленіе нѣмецкихъ племенъ почти уже совершилось, и конечно, совершилось бы непремѣнно, если бы древнія

царскія династіи отдѣльныхъ племенъ были къ тому времени еще хоть сколько-нибудь замѣтны. Германская церковь, именно ея фактическій патріархъ, архіепископъ майнцскій, спасла тогда (всегда съ трудомъ утверждаемое) государственное единство, посредствомъ перенесенія королевской власти на герцога Конрада Франконскаго, который также происходилъ по женской линіи изъ древняго королевскаго рода: и только слабость его правленія вызвала, наконецъ, казавшуюся необходимой, реакцію, которая проявилась въ попыткѣ избранія короля изъ наиболѣе могущественнаго изъ всѣхъ прежде покоренныхъ, но теперь не желающихъ уже больше повиноваться, нѣмецкихъ племенъ.

Но все-таки избранію герцога Саксонскаго Генриха, равно какъ и освященію этого избранія могло содѣйствовать то соображеніе, что и его родъ былъ, по женской линіи въ родствѣ съ Карлингами.

Какое сопротивленіе, однако, приходилось всюду преодолевать всему новому саксонскому королевскому дому, ясно уже изъ того, что франки и лотаринги, т. е. народы, причислявшіе себя къ изначально господствовавшему племени, не могли быть склонны признать своимъ законнымъ королемъ отпрыска одного изъ прежде имъ подчиненныхъ народовъ, остальные же нѣмецкія племена столь же мало могли считать себя обязанными, на какомъ-нибудь правовомъ основаніи, признавать поставленнаго надъ ними всѣми короля изъ племени имъ подобнаго и прежде, наравнѣ съ ними, подчиненнаго франкамъ. Лишь Оттонъ I достигъ того, что вполне покорилъ всю Германію, и собственно благодаря тому, что онъ противопоставилъ сильной и высокомерной враждѣ основныхъ франкскихъ племенъ—національное чувство поко-

ренныхъ нѣкогда ими нѣмецкихъ племень, алемановъ и баварцевъ; онъ возбудилъ ихъ національное чувство настолько, что, въ соединеніи ихъ интересовъ со своимъ королевскимъ интересомъ, приобрѣлъ силу для отпора старымъ франкскимъ притязаніямъ. Но кажется, что немало способствовало окончательному укрѣпленію королевской власти, также и достиженіе титула римскаго императора, который былъ восстановленъ Карломъ Великимъ, такъ какъ, именно благодаря этому титулу, казалось, перешелъ на него блескъ древняго франкскаго королевскаго рода, внушавшаго еще неизмѣнный трепетъ; и казалось какъ-будто его родъ ясно понималъ это; его наслѣдниковъ неудержимо влекло въ Римъ и Италію, чтобы возвратиться оттуда въ возбуждающемъ благоговѣніи священномъ ореолѣ, который заставилъ бы на родинѣ забыть ихъ мѣстное происхожденіе и поставилъ бы ихъ въ рядъ тѣхъ древнихъ династій, которыя однѣ только призваны къ власти. Такимъ образомъ они приобрѣли «сокровище» и стали «Нибелунгами».

Однако вѣкъ царствованія саксонскаго дома, все-таки является сравнительно лишь краткимъ перерывомъ неизмѣримо болѣе продолжительнаго господства франкскаго племени, такъ какъ послѣ исчезновенія саксонскаго дома, королевская власть перешла опять къ отпрыску франкскаго рода Конраду Салійскому, родство котораго съ Карлингами по женской линіи также было доказано и принято во вниманіе при его избраніи. Его родъ сохранилъ въ своихъ рукахъ королевскую власть вплоть до паденія «Гибелиновъ». Избраніе Лотаря Саксонскаго между исчезновеніемъ мужской линіи франкскаго рода и восстановленіемъ его чрезъ потомковъ франкской династіи по женской линіи, т. е. Гогенштауфеновъ,

слѣдуетъ разсматривать только какъ новую, на этотъ разъ менѣе продолжительную, попытку реакціи. Еще болѣе относится это къ позднѣйшему избранію Вельфа Оттона IV. Лишь съ обезглавленіемъ юнаго Конрада въ Неаполѣ, слѣдуетъ считать древнюю королевскую династію «Вибелинговъ» окончательно исчезнувшей, и, строго говоря, мы должны признать, что послѣ нее въ Германіи не было больше королей, а тѣмъ болѣе императоровъ, въ свойственномъ Вибелингамъ высокому, идеальному пониманію этого достоинства.

ВИБЕЛИНГИ ИЛИ ВИБЕЛУНГИ.

Если мы будемъ разсматривать имя Вибелинги, которое намъ часто встрѣчается, въ противопоставленіи Вельфамъ, для обозначенія императорской партіи—въ особенности въ Италіи, гдѣ обѣ борющіяся стороны возвысились до осознанія своего идеальнаго значенія,—то, при ближайшемъ изслѣдованіи, мы признаемъ совершенную невозможность уяснить это въ высшей степени знаменательное имя при помощи дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ. И это естественно. Чистая исторія, взятая сама по себѣ, даетъ намъ вообще лишь изрѣдка, и притомъ всегда несовершенный и недостаточный матеріалъ для уразумѣнія внутреннихъ, какъ бы инстинктивныхъ, движущихъ началъ, которые порождаютъ неутолимые и страстные стремленія цѣлыхъ племенъ и народовъ. Мы должны искать его въ религіи и народныхъ сказаніяхъ, гдѣ мы обыкновенно и можемъ ихъ вскрыть съ убѣдительною опредѣленностью.

Религія и миеъ представляютъ самое полное отраженіе народныхъ воззрѣній на природу вещей и человѣка. Народъ издревле обладалъ неподражаемою способностью постигать свою собственную сущность въ родовомъ понятіи и отчетливо представлять ее себѣ въ какомъ-либо пластичномъ олицетвореніи. Боги и герои его религіи и миеовъ являются чувственно воспринимаемыми образами, въ которыхъ народная душа представляетъ себѣ свое собственное существо. При поразительной индивидуальности этихъ образовъ, ихъ содержаніе имѣетъ все-таки всеобщій, всеобъемлющій характеръ; именно потому эти образы обладаютъ такой исключительной

жизнеспособностью, что каждый новый уклонъ въ народномъ духѣ незамѣтно сообщается и имъ, и потому они всегда находятся въ состояніи, соответствующемъ сущности народа. Народъ, такимъ образомъ, въ своей поэзіи и въ своемъ творествѣ всегда гениаленъ и правдивъ, въ противоположность ученому историку, который придерживается только поверхностной, прагматической связи событій и, не постигая совокупности существенныхъ чертъ народнаго характера по непосредственному выраженію ихъ самимъ народомъ, всегда педантиченъ, и всегда заблуждается; онъ неспособенъ понять своимъ духомъ и сердцемъ предмета собственной работы, и поэтому, самъ того не зная, бываетъ вынужденъ прибѣгать къ произвольной, субъективной спекуляціи. Только народъ понимаетъ себя, потому что онъ самъ, въ дѣйствительности, ежедневно и ежечасно совершаетъ и исполняетъ то, что онъ по самой своей сущности призванъ и долженъ совершить, между тѣмъ какъ «ученый», учитель народа, тщетно ломаетъ себѣ голову, чтобы понять то, что у народа выходитъ какъ бы само собой.

Если бы мы, чтобы освѣтить истинность народныхъ воззрѣній также въ примѣненіи и къ нашему матеріалу, взяли вмѣсто исторіи государей и князей, исторію самого народа, то, во всякомъ случаѣ, мы нашли бы и въ ней, что нѣмецкимъ народамъ было издавна извѣстно, для обозначенія этой поразительной франкской королевской династіи, которая возбуждала всегда такой трепетъ, и всѣми считалась за нѣкую высшую породу, имя, которое мы потомъ снова, уже въ историческій періодъ, находимъ въ Италіи въ искаженной формѣ «Ghibelini». Что это имя обозначало не только Гогенштауфеновъ въ Ита-

ліи, но и ихъ предшественниковъ въ Германіи, франконскихъ императоровъ, исторически подтверждается Оттономъ Фрейзингенскимъ: распространенная въ его время въ верхней Германіи форма этого имени была «Вибелинги» или «Вибелунги». Это наименованіе вполнѣ совпадало бы съ наименованіемъ главныхъ героевъ древне-франкского народнаго сказанія, такъ же, какъ и съ распространеннымъ у франковъ, какъ это доказано, родовымъ именемъ «Нибелингъ», если бы удалось объяснить измѣненіе начальной буквы «Н» въ «В». Лингвистическая трудность этого объясненія исчезаетъ, если мы правильно поймемъ происхожденіе этой замѣны одной буквы другою. Причина ея заключалась въ народномъ говорѣ, который ассимилировалъ, по свойственной нѣмецкому языку склонности къ аллитераціи, начальные буквы именъ обѣихъ враждующихъ партій Вельфовъ и Нибелунговъ, при чемъ народное нарѣчіе отдавало предпочтеніе нѣмецкой народной партіи, поставивъ имя Вельфовъ впередъ, а имя враговъ ихъ независимости—вслѣдъ за нимъ въ качествѣ риемы. «Вельфовъ и Вибелунговъ» народъ зналъ и называлъ такъ задолго до того, какъ ученымъ хронистамъ вздумалось заняться разясненіемъ этихъ ставшихъ имъ непонятными народныхъ названій. А итальянскіе народы, которые, въ борьбѣ противъ императоровъ, стояли ближе къ Вельфамъ, заимствовали эти имена изъ нѣмецкаго языка, совершенно правильно видоизмѣнивши ихъ, въ соотвѣтствіи со своимъ произношеніемъ, какъ «Guelphi» и «Ghibelini». Епископъ Фрейзингенскій Оттонъ, въ качествѣ выхода изъ своего ученаго затрудненія, вздумалъ произвести наименованіе императорской партіи отъ названія одного совершенно не относящагося къ дѣлу села «Вайблингентъ» — цѣнная

черта, ясно показывающая намъ, насколько способны умные люди понимать такія явленія всемірно-исторической важности, какъ эти безсмертныя въ народной рѣчи имена! Но швабскій народъ зналъ лучше, кто такіе были «Вибелунги», потому что онъ называлъ такъ Нибелунговъ—и собственно со времени успѣха, родственныхъ ему по крови и имѣющихъ общую съ нимъ родину, Вельфовъ.

Если мы приобрѣтемъ внутреннее убѣжденіе въ тождественности, въ смыслѣ народнаго воззрѣнія, этого имени съ именемъ древней франкской королевской династіи, то слѣдствія и результаты этого будутъ настолько важны и многозначительны для точнаго и интимнаго пониманія удивительныхъ стремленій, порывовъ и подвиговъ этой династіи, такъ же какъ и противодѣйствующихъ имъ и представляющихъ вѣчную ихъ противоположность въ физическомъ и духовномъ отношеніи, и въ народѣ и въ церкви, Вельфовъ, что именно остается только добыть себѣ эту увѣренность чтобы яснѣе и интимнѣе заглянуть въ одинъ изъ наиболѣе важныхъ періодовъ всемірно-историческаго развитія и рассмотреть его двигательныя пружины, которыхъ не можетъ намъ показать наша сухая исторіографія. Вѣдь въ этомъ величественномъ сказаніи о Нибелунгахъ передъ нами какъ бы сѣмя растенія, дающее внимательному наблюдателю возможность узнать естественныя условія, сообразно съ которыми произойдетъ возрастаніе, расцвѣтъ и смерть этого растенія.

Итакъ, воспримемъ это убѣжденіе въ томъ самомъ смыслѣ, объемѣ и видѣ, въ какомъ оно жило уже въ народномъ сознаніи средневѣковья одновременно съ дѣяніями этой династіи и выразилось въ поэтической литературѣ эпохи Гогенштауфеновъ, гдѣ въ христіанскихъ рыцарскихъ поэмахъ мы находимъ, въ совер-

шенно отчетливой формѣ, ставшій наконецъ церковнымъ вельфскій элементъ; во вновь сложившихся и образовавшихся пѣсняхъ о Нибелунгахъ—столь же ясно различаемый, рѣзко ему противоположный, часто еще проникнутый древнимъ язычествомъ, принципъ вибелингскій.

ВЕЛЬФЫ.

Прежде чѣмъ перейти къ болѣе подробному разсмотрѣнію только что изложеннаго, важно охарактеризовать ближе партію, противоположную Вибелингамъ, т. е. Вельфовъ. Это имя также многозначительно. Въ нѣмецкомъ языкѣ «Welfe» значить (въ усиленномъ значеніи): питающіеся молокомъ дѣтеныши; сначала, собственно, собаки, а потомъ вообще всякаго четвероногаго животнаго. Съ этимъ легко связалось понятіе вообще законнаго происхожденія благодаря питанію материнскою грудью, и «вельфъ» скоро означало уже въ народной поэтической рѣчи: родной сынъ, рожденный и воспитанный родною матерью.

Во времена Карлинговъ вступаетъ въ исторію, на своей древней швабской родинѣ, родъ, въ которомъ имя Вельфъ было наслѣдственнымъ вплоть до самаго поздняго времени. Вельфъ былъ тотъ, кто впервые привлекъ къ себѣ вниманіе исторіи тѣмъ, что пренебрегалъ пожалованіями франкскихъ королей. Когда онъ не могъ больше препятствовать тому, чтобы его сыновья вступали въ родственныя отношенія съ Карлингами и становились въ ленную отъ нихъ зависимость, старый отецъ, въ глубокой скорби, покинулъ свои наслѣдственные владѣнія и удалился въ пустынное одиночество, чтобы не быть свидѣтелемъ позора своего рода.

Если сухая исторіографія той эпохи сочла нужнымъ воспроизвести это неважное для нея событіе, то мы, конечно, имѣемъ право предположить, что оно было несравненно ярче воспринято и пережито людьми покоренныхъ нѣмецкихъ племенъ, потому что это событіе, подобныя которому навѣрное проис-

ходили часто и раньше, съ силою выражало, раздѣляемое всѣми нѣмецкими племенами, гордое, но удрученное самосознаніе и отношеніе къ господствующему племени. Вельфъ вѣроятно уважался, какъ истинный «питомецъ», настоящий сынъ праматери-родоначальницы, и потому, въ концѣ концовъ, могло легко произойти, что при неизмѣнно возрастающемъ богатствѣ и авторитетѣ его рода, народъ сталъ связывать съ именемъ Вельфъ представленіе о защитникѣ нѣмецкой національной независимости, противъ внушавшей ему страхъ, но никогда имъ не любимой франкской королевской власти.

Въ возвышеніи ничтожныхъ Гогенштауфеновъ, благодаря родству ихъ съ франкскими государями и достиженію ими сначала швабскаго, а потомъ и франкскаго герцогскаго титула, Вельфы, какъ жители Швабіи, усмотрѣли новую причиненную имъ обиду, и ихъ естественное озлобленіе противъ этой династіи король Лотаръ использовалъ какъ главное средство противодѣйствія Вибелунгамъ, открыто оспаривавшимъ его власть. Одновременнымъ пожалованіемъ Вельфамъ обоихъ герцогствъ, саксонскаго и баварскаго, онъ увеличилъ ихъ могущество до неслыханнаго дотоѣ предѣла; и только, благодаря приобрѣтенной имъ, такимъ образомъ, могущественной помощи, смогъ онъ до такой степени укрѣпить свою, въ глазахъ Вибелунговъ незаконно присвоенную, королевскую власть и даже такъ унизить ихъ самихъ, что они не сочли малодушнымъ создать себѣ будущую опору среди нѣмецкихъ племенъ черезъ вступленіе въ родство съ Вельфами. Неоднократно выпадало на долю Вельфовъ обладаніе большею частію Германіи, и Фридрихъ I признаніемъ ихъ власти, послѣ того какъ его предшественникъ-Вибелунгъ, умеръ, возстановилъ имъ ихъ власть.

лингъ счелъ нужнымъ ослабить ихъ лишеніемъ этой вотчины, казалось, нашелъ самый лучший способъ примиренія съ непобѣдимой національной партіей и средство совершенно укротить старинную ненависть тѣмъ, что онъ до извѣстной степени удовлетворилъ противную партію реальнымъ обладаніемъ, чтобы за то безпрепятственно реализовать никѣмъ до него съ такой ясностью не осознанную идеальную сущность императорской власти.

Изъ исторіи ясно, какое участіе въ окончательной гибели Вибелунговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и германской монархіи вообще, слѣдуетъ приписать Вельфамъ. Въ послѣдней половинѣ тринадцатаго вѣка мы наблюдаемъ вполнѣ достигшую своей цѣли реакцію жаждущаго независимости болѣе узкаго національнаго духа нѣмецкихъ, племенъ противъ издавна навязанной имъ франками общей надъ всѣми королевской власти. Что племена эти къ тому времени почти совсѣмъ распались и раздробились на отдѣльныя части, видно между прочимъ изъ того, что они, уже при первомъ покореніи франками потеряли свои королевскія династіи. А поэтому, подъ покровомъ и предлогомъ императорскихъ пожалованій, сдѣлавшихся наслѣдственными, стоявшіе ближе всего къ этимъ династіямъ дворянскіе роды легко могли стать самостоятельными и независимыми отъ государства и вызвать такимъ образомъ совершенный распадъ племенъ, въ національныхъ интересахъ которыхъ велась первоначально борьба противъ верховной власти Вибелунговъ. Поэтому въ концѣ концовъ, значеніе этой важной по своимъ слѣдствіямъ реакціи заключалось не столько въ побѣдѣ нѣмецкихъ племенъ, сколько въ крушеніи, расшатанной благодаря этой борьбѣ, центральной королевской власти; и то, что

эта борьба происходила не ради народа, а въ интересахъ феодаловъ, расщеплявшихъ народъ, составляетъ самую отвратительную сторону этого историческаго явленія, хотя бы эта развязка и коренилась въ существѣ наличныхъ историческихъ элементовъ. Но все, что сюда относится, мы можемъ (совершенно независимо отъ народнаго сказанія) назвать «вельфскимъ» принципомъ, въ противоположность которому принципъ Вибелунговъ возросъ ни больше ни меньше, какъ до степени притязанія на міровое господство.

СОКРОВИЩЕ НИБЕЛУНГОВЪ ВО ФРАНКСКОЙ ДИНАСТІИ.

Чтобы яснѣе усвоить сущность сказанія о Нибелунгахъ, въ его внутреннемъ отношеніи къ историческому значенію франкского царства, обратимся еще разъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію историческаго происхожденія этого древняго княжескаго рода. Нельзя установить точно, какой степени разрушенія внутренняго родового быта достигли наконецъ франкскія племена въ ихъ историческомъ мѣстопребываніи, нынѣшнихъ Нидерландахъ. Мы различаемъ, ближайшимъ образомъ, Салійскихъ и Рипуарійскихъ франковъ; но не только это раздѣленіе, а еще и то обстоятельство, что большіе округа имѣли своихъ самостоятельныхъ князей, указываетъ на то, что первоначальная наслѣдственная власть, благодаря странствованіямъ, многочисленнымъ раздѣленіямъ и позднѣйшимъ воссоединеніямъ разъединившихся племенъ подверглась сильному демократическому разложению; но мы достовѣрно знаемъ то, что только изъ членовъ древнѣйшаго рода всего огромнаго племени избирались короли и вожди. Правда, наслѣдственной была только ихъ власть надъ отдѣльными частями цѣлаго; глава же всѣхъ соединенныхъ племенъ для какихъ-либо исключительныхъ общихъ предпріятій избирался, но избирался, какъ сказано, всегда только изъ вѣтвей царскаго рода.

Въ «Нибельгау» царствовалъ древнѣйшій и законнѣйшій членъ этого рода. Мы имѣемъ основаніе смотрѣть на Хлоіона или Хлодіона, какъ на перваго въ исторіи носителя царской власти въ собственномъ смыслѣ слова, и, слѣдовательно, древнѣйшаго обладателя сокровища Нибелунговъ.

Франки уже вторглись побѣдоносно въ римскій міръ, обитали подъ именемъ «союзниковъ» въ нѣкогда римскомъ Бельгіумѣ, и Хлоіонъ управлялъ подчиненной ему провинціей съ искусствомъ римскаго правителя. Весьма вѣроятно, что этому окончательному овладѣнію предшествовала рѣшительная борьба съ римскими легіонами, и въ числѣ добычи, вѣроятно, находились, кромѣ военныхъ суммъ, также и знаки верховной власти римскихъ императоровъ. Народное сказаніе о сокровищѣ Нибелунговъ нашло, вѣроятно, въ этихъ сокровищахъ и въ этихъ эмблемахъ новый реальный матеріалъ для своего освѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возродилось также и идеальное толкованіе связанной съ этимъ пріобрѣтеніемъ и отнынѣ еще болѣе твердо обоснованной королевской власти господствующаго надъ народомъ рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздробленная королевская власть снова пріобрѣла опредѣленную реальную и идеальную точку объединенія, о которую разбился произволъ выродившихся отношеній родового строя. Непосредственнымъ родственникамъ сильно развѣтвившагося королевскаго дома, вѣроятно также рѣзко бросались въ глаза преимущества этой обновленной королевской власти и они стремились завладѣть ею сами. Такимъ близкимъ родственникомъ королевской семьи былъ Мервигъ, властелинъ Мервегау, попеченію котораго вѣрилъ умирающій Хлоіонъ трехъ своихъ малолѣтнихъ сыновей; но коварный родственникъ, вмѣсто того, чтобы раздѣлить наслѣдство между своими питомцами, завладѣлъ имъ самъ, ихъ же безпомощныхъ изгналъ. Это событіе запечатлѣвается въ продолжающемъ развиваться сказаніи о Нибелунгахъ, и мы встрѣчаемъ его тамъ въ слѣдующемъ видѣ: Зигфридъ изъ Морунгена, Мервунгена тожъ, долженъ раздѣлить между сыновьями

Нибелунга унаслѣдованное ими сокровище, но, вмѣсто этого, онъ точно такъ же оставляетъ его себѣ. Такимъ образомъ, связанныя съ сокровищемъ право и полномочіе перешли на родственниковъ Нибелунгамъ Мервинговъ; благодаря непрестанному возвышенію и усиленію царской власти, они увеличиваютъ все болѣе и болѣе свое могущество и свое значеніе; усиленія же царской власти они достигли преимущественно тѣмъ, что тщательно, не гнушаясь и насиліемъ, заботились объ истребленіи всѣхъ своихъ родственниковъ.

Но одинъ изъ сыновей Хлоіона все-таки уцѣлѣлъ со своимъ потомствомъ. Его потомки нашли спасеніе въ Австразіи, достигли опять страны Нибелунговъ, жили въ Нивеллѣ и, наконецъ, снова выступили въ исторіи подъ именемъ «Пипинговъ». Этимъ популярнымъ именемъ они безспорно обязаны искреннему сочувствію народа къ судьбѣ маленькихъ сыновей Хлоіона. Изъ чувства справедливой благодарности народу за его любовь, которая ихъ защищала и имъ помогала, они сдѣлали это имя своимъ наслѣдственнымъ именемъ. Имъ было предназначено, послѣ того какъ они опять овладѣли сокровищемъ Нибелунговъ, вознести реальную цѣнность основывающагося на обладаніи кладомъ мірового могущества до высочайшей вершины значенія. Карль Великій, предшественники котораго наконецъ совсѣмъ устранили развратившуюся отъ непрестанно нарастающей власти и уже совершенно выродившуюся династію Мервинговъ, приобрѣлъ господство надъ всѣмъ германскимъ міромъ и тогдашней западно-римской имперіей, поскольку она была населена германскими народами. Такимъ образомъ, онъ могъ считать себя уже вступившимъ, благодаря фактическому обладанію, въ права

римскихъ императоровъ и дозволить римскому первосвященнику утвердить себя въ этомъ достоинствѣ.

Съ этой возвышенной точки зрѣнія мы должны теперь обратиться къ обозрѣнію тогдашняго мірового положенія, притомъ въ духѣ самого могущественнаго Нибелунга. Ибо эта точка зрѣнія дастъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность точнѣе усвоить историческое значеніе столь часто упоминаемаго франкскаго народнаго сказанія.

Когда Карль Великій, съ высоты своего западно-римскаго императорскаго престола, взиралъ на извѣстный ему міръ, то онъ долженъ былъ прежде всего замѣтить, что онъ и его родъ были единственнымъ остаткомъ древней германской царской власти. Всѣ царскія династіи родственныхъ ему нѣмецкихъ племенъ, поскольку языкъ свидѣтельствовалъ объ общности ихъ происхожденія, исчезли или были уничтожены при подчиненіи, и онъ имѣлъ такимъ образомъ право смотрѣть на себя, какъ на единственнаго представителя и наслѣдственнаго обладателя древней германской царской власти. Это фактическое положеніе вещей естественно могло заставить его и родственныя ему франкскія племена видѣть въ себѣ особенно покровительствуемый судьбою древнѣйшій и долговѣчнѣйшій родъ во всемъ германскомъ народѣ, а въ древней сагѣ находить идеальное оправданіе этого предположенія. Въ этой сагѣ, какъ и во всякомъ древнемъ сказаніи подобнаго рода, нетрудно различить первоначальное религіозное ядро. Если мы, при первомъ упоминаніи, оставили разсмотрѣніе его въ сторонѣ, то теперь намъ нужно вникнуть въ него подробнѣе.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТІЕ МИФА О НИБЕЛУНГАХЪ.

Первое впечатлѣніе человѣкъ получаетъ отъ окружающей его природы, и изъ всѣхъ природныхъ явленій на него всегда дѣйствовало сильнѣе всего то, которое казалось ему условіемъ существованія или по меньшей мѣрѣ познаваемости всего существующаго въ мірѣ, а именно: свѣтъ, день, солнце. Благодареніе и даже поклоненіе возсылалось ему людьми, тѣмъ болѣе, что его противоположность, тьма, ночь, казалась имъ печальной, непріязненной и возбуждала ужасъ. А такъ какъ свѣтъ порождалъ для человѣка все радостное и живительное, то онъ и казался ему основою бытія. Свѣтъ былъ для него творцомъ, отцомъ, Богомъ. Дневной разсвѣтъ послѣ ночи казался ему побѣдой свѣта надъ тьмой, тепла надъ холодомъ и т. д., и это представленіе развилось потомъ въ нравственное сознаніе, окрѣпло до способности отличать полезное отъ вреднаго, благопріятное отъ враждебнаго и, наконецъ, добро отъ зла.

Во всякомъ случаѣ на это первое воздѣйствіе природы нужно смотрѣть, какъ на общую основу религій всѣхъ народовъ. А въ индивидуализаціи этихъ понятій, происшедшихъ изъ общихъ чувственныхъ воспріятій, слѣдуетъ искать причину постепенно выступающихъ различій между религіями, соотвѣтственно особенному характеру каждаго народа. Относящееся сюда франкское сказаніе имѣетъ то высокое и своеобразное преимущество, что оно, въ соотвѣтствіи съ исключительнымъ характеромъ племени, продолжало развиваться все дальше и дальше вплоть до исторической жизни, между тѣмъ какъ у прочихъ нѣмецкихъ племенъ мы

нигдѣ больше не наблюдали такого роста религіознаго міеа вплоть до превращенія его въ историческое сказаніе; совершенно соотвѣтственно тому, какъ эти племена отстали въ своемъ историческомъ прогрессивномъ развитіи, такъ и ихъ народная сага осталась на степени религіознаго міеа (особенно у скандинавовъ) или же она развивалась неправильно и при столкновеніи съ жизнеспособными историческими народами разбивалась на не имѣющіе самостоятельнаго значенія осколки.

Франкская народная сага, насколько мы можемъ ее прослѣдить, представляетъ намъ индивидуализированнаго бога свѣта или солнца, побѣждающимъ и убивающимъ чудовище, хаотическую Ночь:— вотъ первоначальный смыслъ борьбы Зигфрида съ дракономъ, которая аналогична борьбѣ Аполлона съ дракономъ Пиеономъ. Но какъ день въ концѣ концовъ снова смѣняется ночью, какъ лѣто опять уступаетъ мѣсто зимѣ, такъ и Зигфридъ въ концѣ концовъ долженъ быть убитъ въ свой чередъ; итакъ, богъ сталъ человѣкомъ, и смерть этого человѣка наполняетъ нашу душу новымъ сильнѣйшимъ участіемъ, какъ жертва воодушевляющаго насъ подвига возбуждая и въ насъ нравственный мотивъ мести, т. е. желаніе отмстить убійцѣ за его смерть, и тѣмъ какъ бы повторить его подвигъ. Извѣчная борьба такимъ образомъ продолжается нами, и ея переменный успѣхъ соотвѣтствуетъ постоянно повторяющемуся чередованію дня и ночи, лѣта и зимы,—наконецъ самого человѣческаго рода, который переходитъ отъ жизни къ смерти, отъ побѣды къ пораженію, отъ радости къ страданію; и такъ въ постоянномъ самообновленіи, вѣчная сущность человѣка и природы сама по себѣ и благодаря самой себѣ и своей дѣя-

тельности достигаетъ, наконецъ, самосознанія. Сущность этого вѣчнаго движенія, т. е. самой жизни, нашла наконецъ свое выраженіе въ «Вотанѣ» (Зевсѣ), какъ въ верховномъ богѣ, отцѣ и вседержителѣ вселенной; но хотя онъ по своему существу долженъ былъ считаться верховнымъ богомъ и, въ качествѣ верховнаго бога, долженъ былъ занять мѣсто отца по отношенію къ другимъ богамъ, однако это не значить, будто онъ былъ дѣйствительно исторически болѣе древнимъ, нежели другіе боги; наоборотъ онъ обязанъ своимъ бытіемъ обновленному возвышенному представленію человѣка о самомъ себѣ; онъ поэтому отвлеченнѣе, чѣмъ древній природный богъ, который гораздо тѣлеснѣе и представленіе о которомъ можетъ считаться болѣе свойственнымъ людямъ.

Если здѣсь уже описанъ въ общихъ чертахъ путь развитія саги, а затѣмъ и исторіи, изъ первоначальнаго міеа, то теперь задача состоитъ въ томъ, чтобы уяснить тотъ существенный пунктъ въ образованіи франкской саги, который придалъ франкскому племени совершенно исключительную фізіономію,—а именно: с о к р о в и щ е.

Въ скандинавскомъ религіозномъ міеѣ дошло до насъ названіе «Nifelheim», т. е. «страна тумановъ» (Nibel-Nebelheim), какъ обозначеніе подземнаго обиталища ночныхъ духовъ, «черныхъ альбовъ», въ противоположность небесному жилищу «азовъ» и «свѣтлыхъ альбовъ». Эти черные альбы «Нифлунги», дѣти ночи и смерти, взрываютъ землю, отыскиваютъ заложенные въ ней сокровища, плавятъ и куяутъ руду; золотыя украшенія и острое оружіе—ихъ произведеніе; и вотъ мы снова находимъ имя «Нибелунговъ», ихъ клады, оружіе и драгоценности, во франкскомъ сказаніи, съ тѣмъ преимуществомъ, что свойственное первоначально всѣмъ германскимъ племенамъ пред-

ставленіе о нихъ исторически развилось въ этомъ сказаніи до нравственнаго значенія.

Когда свѣтъ побѣдилъ тьму, когда Зигфридъ убилъ нибелунгова дракона, то онъ приобрѣлъ богатую добычу, а именно охраняемое дракономъ сокровище Нибелунговъ. Но обладаніе этимъ сокровищемъ, которымъ онъ отнынѣ пользуется, свойства котораго увеличиваютъ его могущество до безконечности, потому что благодаря ему онъ повелѣваетъ Нибелунгами, стало также и причиною его смерти, ибо драконово племя стремится возвратитъ себѣ сокровище—они, эти темные духи, убиваютъ Зигфрида коварно, какъ ночь убиваетъ день, и влекутъ его къ себѣ въ мрачное царство смерти: такъ становится самъ Зигфридъ Нибелунгомъ. Хотя обладаніе сокровищемъ обрекаетъ смерти, тѣмъ не менѣе каждое новое поколѣніе стремится овладѣть имъ; внутренняя сущность клада съ естественною необходимостью побуждаетъ его къ этому, подобно тому, какъ день постоянно снова одерживаетъ побѣду надъ ночью, потому что вѣдь сокровище есть воплощеніе всякой земной власти; сокровище Нибелунговъ—это сама земля во всемъ ея великолѣпнѣ, которое мы, раннимъ утромъ, при радостномъ блескѣ солнца, осознаемъ какъ нашу собственность, и которымъ наслаждаемся, послѣ того какъ наступающій день изгонитъ ночь, грознымъ призракомъ распростиравшую свои мрачныя драконовы крылья надъ богатыми сокровищами міра.

13

Но если мы ближе присмотримся къ сокровищу, этому исключительному созданію Нибелунговъ, то мы увидимъ, что это, во-первыхъ, металлическія внутренности земли, затѣмъ то, что изъ

нихъ готовится: оружіе, царственное кольцо и золотой кладъ. Слѣдовательно сокровище заключало въ себѣ не только средство пріобрѣсти господство и упрочить его за собою, но и символъ самого господства: божественный герой, впервые имъ овладѣвшій и, отчасти благодаря своему могуществу, отчасти благодаря своей смерти, ставшій Нибелунгомъ, оставилъ въ наслѣдство своему потомству основанное на его подвигѣ притязаніе на обладаніе сокровищемъ; душу всего его рода преисполняетъ стремленіе отомстить за павшаго, снова овладѣть сокровищемъ или сохранить его за собою; по этому стремленію всегда легко узнать, какъ въ сказаніи, такъ и въ исторіи, династію Нибелунговъ-франковъ.

Если считать слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что этотъ замѣчательный родъ царствовалъ надъ германскими племенами еще на ихъ древней прародинѣ, или если считать недоказаннымъ, что всѣ остальные германскія племена произошли отъ него и что онъ, стоя во главѣ ихъ, уже повелѣвалъ всѣми остальными народами на этомъ горномъ островѣ Азии, то все-таки внѣ сомнѣнія стоитъ тотъ позднѣйшій фактъ, что въ Европѣ онъ дѣйствительно правилъ всѣми германскими племенами и, стоя во главѣ ихъ, дѣйствительно стремился къ владычеству надъ всѣми народами міра. Это глубокое внутреннее стремленіе заставляло эту династію всегда помнить, то сильнѣе, то слабѣе, свое древнее происхожденіе, и Карлъ Великій, достигши дѣйствительной власти надъ всѣми германскими племенами, прекрасно зналъ, что дѣлалъ, когда онъ приказалъ тщательно собрать и заботливо переписать всѣ пѣсни національнаго эпоса; этимъ онъ укрѣпилъ еще больше народную вѣру въ древнія права своей королевской династіи.

РИМСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ДОСТОИНСТВО И РИМСКОЕ НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ.

Стремленіе Нибелунговъ къ господству, удовлетворяемое до тѣхъ поръ болѣе или менѣе грубымъ вещественнымъ образомъ, начиная съ Карла Великаго, должно было постепенно привести къ жаждѣ идеальнаго удовлетворенія; побуждающій къ этому моментъ слѣдуетъ видѣть въ принятіи Карломъ римскаго императорскаго титула.

Если обозрѣть испытующимъ взоромъ внѣгерманскій міръ, насколько онъ былъ доступенъ очамъ Карла Великаго, то бросится въ глаза то же самое отсутствіе царей, какъ и у покоренныхъ германскихъ племенъ. Романскіе народы, которыми правилъ Карлъ, давно, еще благодаря римлянамъ, потеряли свои царствующія династіи. Подвергшіяся также истребленію, царствующія династіи предначиненныхъ къ болѣе или менѣе полной германизации славянскихъ народовъ, которые впрочемъ сами по себѣ имѣли лишь небольшое значеніе, никогда не пользовались такимъ признаніемъ, какъ германскія династіи. Только одинъ Римъ сохранилъ въ своей исторіи притязаніе на господство, притомъ на господство всемірное. Право на это міровое господство принадлежало собственно не какой-нибудь древней династіи, а самому римскому народу, но осуществлялось въ формѣ монархіи, императорами. Эти императоры, послѣднее время произвольно избираемые то изъ одного, то изъ другого племени совершенно перепутавшихся между собою народовъ, никогда не имѣли наслѣдственного права на высочайшую въ мірѣ власть. Глубокая развращенность, безсиліе и позорный упадокъ римскаго император-

скаго правленія, поддерживавшагося, въ концѣ концовъ, уже только благодаря арміи германскихъ наемниковъ, которые еще задолго до паденія Римской Имперіи фактически ею уже владѣли, прекрасно сохранились въ памяти завоевателей франковъ. При всей личной слабости и при всемъ личномъ ничтожествѣ извѣстныхъ германцамъ императоровъ, этимъ пришельцамъ-варварамъ все-таки привилось чувство трепета и благоговѣнія предъ императорской властью, подъ сѣнью которой жилъ высоко образованный римскій міръ, и это благоговѣніе удержалось вплоть до самыхъ позднихъ временъ. Но въ этомъ выразилось не только уваженіе предъ высшей культурой, но и старое воспоминаніе о первомъ соприкосновеніи германскихъ народовъ съ римлянами, которые, подъ предводительствомъ Юлія Цезаря, впервые поставили неутомимымъ военнымъ странствованиямъ германцевъ могучую и непреодолимую преграду.

Германскіе воины прогнали уже за Альпы и за Рейнъ почти не сопротивлявшіеся имъ галльскіе и кельтскіе народы. Покореніе всей Галліи являлось для нихъ легкой задачей; какъ вдругъ, въ лицѣ Юлія Цезаря, они встрѣтили дотолѣ совершенно чуждую, непреодолимую силу; этотъ безмѣрно великій военный герой, отбросившій, побѣдившій и частью даже поработившій германцевъ, разумѣется, долженъ былъ произвести на нихъ неизгладимое впечатлѣніе, и ихъ трепеть передъ нимъ еще болѣе укрѣпился, когда они узнали, что ему покорился весь римскій міръ, что его имя «Кесарь» стало священнымъ обозначеніемъ высочайшей власти на землѣ, и что онъ самъ сопричисленъ къ богамъ, отъ которыхъ произошелъ его родъ.

Это божественное происхожденіе нашло свое обос-

нованіе въ древнемъ римскомъ сказаніи, согласно которому римляне произошли отъ одного древняго рода пришедшаго изъ Азіи и поселившагося на Тибрѣ и Арно. Существенное и тѣсно связующее зерно религіозной святыни, которое было унаслѣдовано потомками этого рода, составило на долгія времена безспорно важнѣйшую часть національнаго наслѣдія римскаго народа; въ немъ лежала сила, связывавшая и объединявшая этотъ подвижный народъ; «*sacra*», находившіяся въ рукахъ древнихъ, искони родственныхъ между собою патриціанскихъ семействъ, побуждали массы пришельцевъ - плебеевъ къ повиновенію патриціямъ. Глубочайшій благоговѣйный трепетъ передъ религіозными святынями, которыя заповѣдовали самоотверженную дѣятельность, подобную дѣятельности закаленного въ испытаніяхъ праотца, проявлялся въ древнѣйшихъ, непостижимо жизнеспособныхъ законахъ, согласно которымъ управлялся этотъ могучій народъ. И *pontifex maximus*—этотъ постоянный наслѣдникъ Нумы, духовнаго основателя римскаго государства—былъ истиннымъ духовнымъ царемъ римлянъ. Римская исторія не знаетъ царей въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. наслѣдственныхъ обладателей высочайшей въ мірѣ власти: изгнанные Тарквиніи были этрусскими завоевателями. Въ ихъ изгнаніи слѣдуетъ видѣть не столько политическій актъ уничтоженія царской власти, сколько національное дѣло—сверженіе древними родами чужеземнаго ига.

Наконецъ, этотъ народъ, строго подчинявшійся власти древнихъ, одаренныхъ высшею духовною силою, родовъ,—стало невозможнымъ держать въ повиновеніи; благодаря постоянной борьбѣ и лишеніямъ онъ окрѣпъ до такой степени, что для того, чтобы избѣжать

разрушительнаго разряда его силы противъ внутренняго ядра римской государственности, пришлось спустить его на покореніе внѣшняго міра; но, во время этого покоренія, или, вѣрнѣе, благодаря ему, постепенно исчезала и послѣдняя связь древней религіи и нравственности; онѣ выродились подѣ влияніемъ матеріализации и огрубѣнія, въ свою совершенную противоположность; владычество надѣ міромъ, поработеніе народовъ а не побѣда надѣ внутреннимъ человѣкомъ и не ограниченіе эгоистическихъ и животныхъ страстей въ человѣкѣ—вотъ что стало отнынѣ религіей Рима. Понтификатъ еще удержался, какъ внѣшняя реликвія древняго Рима, однако довольно знаменательно то, что онѣ превратился въ главный атрибутъ власти свѣтскихъ императоровъ; и первымъ, соединившимъ въ себѣ обѣ власти, былъ какъ разъ Юлій Цезарь, родъ котораго считался древнѣйшимъ родомъ, переселившимся изъ Азіи. Троя (Иліонъ), такъ гласило дошедшее до историческаго сознанія древнее сказаніе, была тотъ святой городъ Азіи, изъ котораго произошелъ Юліанскій (илионскій) родъ; Эней, сынъ богини, во время разрушенія своего родного города соединенными эллинскими племенами, перенесъ въ Италію сохранявшуюся въ этомъ древнемъ городѣ высочайшую святыню «Палладіумъ». Отъ него произошли древніе исконно-римскіе роды и прежде всего родъ Юліевъ; къ нему, благодаря обладанію этой древней народной святыней, восходитъ внутреннѣйшая сущность Рима—религія этихъ родовъ.

ТРОЯНСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ ФРАНКОВЪ.

Какъ глубоко знаменателенъ тотъ исторически доказанный фактъ, что франки, вскорѣ послѣ установленія своего владычества надъ римской Галліей, также выдавали себя за потомковъ Троянцевъ! Сострадательно улыбается историкъ такому нелѣпому вымыслу, въ которомъ нѣтъ де ни на волосъ истины. Но кому интересно понять и оправдать дѣянія людей и народовъ изъ ихъ внутреннихъ стремленій и воззрѣній, тому важнѣе всего знать, во что они, относительно себя, вѣрили и чему желали заставить повѣрить другихъ. Едва ли что-нибудь можетъ имѣть болѣе очевидное историческое значеніе, чѣмъ это наивное вѣрованіе Франковъ въ свое право на владычество. Благодаря этому праву, которое они основывали непосредственно на классическихъ римскихъ понятіяхъ, они, вступая въ римскій міръ, культура и величіе котораго внушали имъ благоговѣніе, все-таки сочли себя достойными править имъ. И они, слѣдовательно, также происходили изъ Трои, и именно ихъ царская династія правила нѣкогда въ Троѣ; одинъ изъ ихъ древнихъ наслѣдственныхъ царей Фарамундъ былъ не кто иной какъ Пріамъ, глава троянскаго царскаго рода, который, по разрушеніи Трои, ушелъ съ остаткомъ своего народа въ далекія страны. Для насъ прежде всего интересно, что мы узнаемъ по названіямъ городовъ или истолкованіямъ этихъ названій, а также по присоединеннымъ къ собственнымъ именамъ прозвищамъ, такъ же какъ и благодаря продолжающимся вплоть до поздняго средневѣковья поэтическимъ обработкамъ дѣяній троянской войны и связанныхъ съ нею событій, о широкомъ распространеніи и долговременномъ вліяніи этого новаго

сказанія. Разумѣется, заслуживаетъ серіознаго труда также и изслѣдованіе вопроса, дѣйствительно ли это сказаніе было во всѣхъ отношеніяхъ такъ ново, какъ кажется, или же въ немъ заложено зерно, которое на самомъ дѣлѣ гораздо древнѣе, чѣмъ его новое облаченіе въ греко-римскія троянскія одежды.

Сказаніе о древнемъ городѣ, или крѣпости, который былъ нѣкогда построенъ древнѣйшими человѣческими поколѣніями и обнесенъ ими высокими (киклопическими) стѣнами, чтобы сохранить въ нихъ древнюю святыню,—мы можемъ найти почти у всѣхъ народовъ на свѣтѣ, въ томъ числѣ и у народовъ, о которыхъ мы должны предполагать, что они пришли на западъ съ горныхъ вершинъ Азіи. Не существовалъ ли прообразъ этихъ сказочныхъ городовъ въ дѣйствительности на прародинѣ упомянутыхъ народовъ? Разумѣется, существовалъ нѣкогда древнѣйшій, городъ, первый обнесенный стѣнами, въ которомъ обиталъ старѣйшій, наиболѣе почитаемый родъ, первоисточникъ власти патріарховъ, т. е. соединенія царской и жреческой власти: чѣмъ далѣе на западъ отодвигались отъ своей прародины эти народы, тѣмъ священнѣе становилось для нихъ воспоминаніе объ этомъ древнемъ городѣ; онъ сталъ въ ихъ представленіи городомъ боговъ, «Асгардомъ» скандинавовъ, «Асцибургомъ» родственныхъ имъ германцевъ. Мы узнаемъ этотъ городъ боговъ въ эллинскомъ Олимпѣ, и его видѣніе предносилось римлянамъ при созданіи Капитолія.

И естественно, что тамъ, гдѣ поселялись на долгое время эти племена, превратившіяся въ цѣлые народы, тамъ созидались въ дѣйствительности подобія этого древняго града: и на эти новыя жилища господствующихъ древнихъ царскихъ и жреческихъ династій

переносилось постепенно священное значеніе божественнаго града, и чѣмъ далѣе племена снова распространялись и расселялись уже и оттуда, тѣмъ очевиднѣе возрастала слава о святости новаго града-родоначальника. Но потомъ, при дальнѣйшемъ свободномъ развитіи отвѣтвившихся и выселившихся новыхъ общинъ, въ связи съ возрастающимъ сознаниемъ самостоятельности, вполне естественно явилось и стремленіе къ независимости; оно усиливалось въ той же мѣрѣ, въ какой правящая изъ новой метрополии старая династія стремилась — упорно и насильственно (потому что противодѣйствіе все росло)—сохранить свою верховную власть надъ новыми отвѣтвившимися общинами или городами. Первыми войнами народовъ за независимость были поэтому именно войны колоній противъ метрополій, и при этомъ вражда была настолько упорна, что утишить ненависть эпигоновъ или разсѣять ихъ боязнь порабощенія могло только разрушеніе старой столицы и уничтоженіе или совершенное изгнаніе древней династіи, имѣющей наслѣдственные права на власть. Всѣ значительные историческіе народы, которые одинъ за другимъ передвигаются съ индійскаго Кавказа къ Средиземному морю, помнятъ такіе священные города, построенные по подобію древняго града боговъ на землѣ, такъ же какъ и ихъ разрушеніе позднѣйшими потомками: весьма вѣроятно, что въ нихъ держалось еще воспоминаніе даже и о той древнѣйшей войнѣ, которую вели древнія племена противъ древнѣйшаго царственнаго рода въ градѣ боговъ на прародинѣ, и о разрушеніи этого града; это было, вѣроятно, первой общей борьбой за сокровище Нибелунговъ.

Намъ неизвѣстно ничего о тѣхъ большихъ го-

родахъ, построенныхъ по образу перваго града, которые были основаны германскими племенами въ своемъ долгомъ странствіи на сѣверо-западъ; въ этомъ странствіи они были наконецъ остановлены Нѣмецкимъ моремъ и оружіемъ Юлія Цезаря, но воспоминаніе о божественномъ градѣ у нихъ сохранилось, и, не будучи чувственно воплощено посредствомъ матеріальнаго воспроизведенія, превратилось въ отвлеченное представленіе о божественномъ жилищѣ Асгардѣ; и только на новой постоянной родинѣ, въ теперешней Германіи, мы находимъ слѣды построенныхъ Азенбургсвъ.

Совсѣмъ иначе развивались народы, направившіеся на юго-западъ: на примѣръ, въ сознаніи эллиновъ общая война за независимость, какъ послѣднее отчетливое воспоминаніе, и разрушеніе Трои, какъ начало новой исторической жизни, почти совершенно погасили всѣ остальные болѣе древнія воспоминанія. Въ свое время римляне, при постепенномъ ознакомленіи съ историческими преданіями эллиновъ, сочли вполнѣ правильнымъ связать сохранившіяся у нихъ смутныя воспоминанія о приходѣ своего родоначальника изъ Азіи съ ясно выраженнымъ миеомъ болѣе культурнаго народа (чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть возможность истолковать покореніе грековъ, какъ возмездіе за разрушеніе Трои). Точно такъ же, и пожалуй съ не меньшимъ правомъ поняли этотъ миеъ и франки, когда они познакомились съ этимъ преданіемъ и съ основанными на немъ продолженіями. Если воспоминанія германцевъ были и менѣе ясны, то зато они были гораздо древнѣе, потому что относились непосредственно къ древней прародинѣ, ко граду (Etzel-burg, то есть Asci-burg), въ которомъ хранилось приобрѣ-

тенное ихъ родовымъ божествомъ, унаслѣдованное ими и защищаемое ихъ бранными подвигами сокровище Нибелунговъ, — граду, откуда они нѣкогда господствовали надъ всѣми родственными племенами и народами. Греческая Троя была для нихъ этимъ городомъ, и изгнанный оттуда законный царь перенесъ на нихъ и передалъ имъ свои царственные права.

И развѣ не естественно, что потомки этого царя при ближайшемъ ознакомленіи съ исторіей племенъ, двинувшихся на юго-западъ, должны были усмотрѣть знакъ древняго божественнаго избранія въ фактъ чудеснаго сохраненія своего. Всѣ народы, которые произошли отъ племенъ, начавшихъ нѣкогда на прародинѣ отцеубійственную борьбу противъ древнѣйшаго царскаго рода, и которые побѣдоносно принудили тогда этотъ родъ уйти на суровый, непривѣтливый сѣверъ, а себѣ открыли путь на пышный и удобный для разселенія югъ, — всѣ эти народы были найдены франками безъ царей. Давно угасли или были истреблены древніе роды, въ которыхъ нѣкогда и эти племена признавали своихъ царей. Послѣдній греческій наслѣдственный царь, Македонскій Александръ, потомокъ Ахилла, главнаго борца противъ Трои — какъ бы продолжая древнюю отцеубійственную войну, лишилъ царей весь южный востокъ вплоть до средне-азіатской прародины народовъ; съ его смертью угасъ и его родъ, и съ тѣхъ поръ царствовали, безъ всякаго на то права, только воинственные похитители царской власти, которые всѣ наконецъ подпали подъ власть Юліанскаго Рима.

Послѣ того, какъ вымеръ родъ Юлія Цезаря, римскіе императоры избирались произвольно и не имѣли, слѣдовательно, наслѣдственныхъ правъ на власть;

ихъ государство, задолго до того, какъ они сами это замѣтили, давно уже перестало быть римскимъ государствомъ, потому что въ ту пору оно держалось исключительно благодаря силѣ; сила же основывалась главнымъ образомъ на войскѣ, а при совершенномъ вырожденіи и полнѣйшей изнѣженности романскихъ народовъ, войска набирались почти исключительно изъ наемниковъ германцевъ. Римскій духъ, постепенно лишившійся всякой фактической власти надъ міромъ, по необходимости послѣ долгаго самоотчужденія вернулся къ себѣ, къ своей исконной сущности, и въ своемъ новомъ развитіи, благодаря принятію христіанства, создалъ римско-католическую церковь: Императоръ снова сталъ первосвященникомъ, Цезарь опять превратился въ Нуму; но только по-новому, совсѣмъ особеннымъ образомъ. Сознававшій свое могущество представитель свѣтской царской власти Карлъ Великій присоединился къ pontifex maximus'у, къ папѣ. Оторванные другъ отъ друга по разрушеніи древняго божественнаго града на прародинѣ, носители царской и жреческой власти (въ соотвѣтствіи троянскому сказанію о державномъ Пріамѣ и благочестивомъ Энеѣ) встрѣтились вновь послѣ долгой разлуки и стали подобны тѣлу и духу челоуѣчества.

Радостна была ихъ встрѣча: ничто, казалось, не угрожало ихъ союзу; одинъ долженъ былъ обезпечить другому вѣрность и защиту: Первосвященникъ короновалъ Кесаря и проповѣдовалъ народамъ повиновеніе истинному государю; Императоръ сдѣлалъ Божьяго слугу верховнымъ пастыремъ; на себя же принялъ обязанность помогать ему въ его служеніи своею сильною свѣтскою властью противъ всѣхъ нечестивцевъ.

Если Карль былъ фактически государемъ всей западной римской имперіи, и если мысль о древнихъ правахъ его династіи на царство породила въ немъ притязаніе на міровое господство, то, вмѣстѣ съ императорскимъ титуломъ, онъ получилъ новое, еще болѣе сильное оправданіе этого притязанія и именно потому, что онъ сталъ покровителемъ долженствующей распространиться на весь міръ христіанской церкви. Для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшее развитіе этихъ величественныхъ міровыхъ отношеній, очень важно замѣтить, что это право защиты церкви не вызвало во франкской королевской династіи никакого новаго притязанія, а только пробудило къ сознательной жизни, издавна заложенное во франкскомъ народномъ сознаніи и скрывавшееся дотолѣ въ безсознательномъ, древнее зерно.

РЕАЛЬНОЕ И ИДЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНІЕ СОКРОВИЩА НИБЕЛУНГОВЪ.

Въ лицѣ Карла Великаго, столько разъ нами упомянутый древній миѣ достигаетъ своего реальнѣйшаго проявленія въ гармонически сливающихся величественныхъ міровыхъ отношеніяхъ. Начиная съ этого времени, по мѣрѣ того, какъ его реальное воплощеніе распадалось исчезало, его существенное идеальное содержаніе росло и крѣпло до тѣхъ поръ, пока, по совершенномъ исчезновеніи всего реального, чистая идея, ясно выраженная, не выступила въ исторіи, чтобы потомъ опять уйти изъ нея и снова перейти, даже и по своей внѣшней формѣ, въ область сказанія.

Между тѣмъ какъ въ слѣдующее за Карломъ Великимъ столѣтіе, при его все болѣе и болѣе неспособныхъ потомкахъ, фактическая королевская власть и господство надъ покоренными народами все болѣе дробилась и убывала, всѣ злодѣянія Карлинговъ обуславливались однимъ общимъ для нихъ всѣхъ побужденіемъ, а именно требованіемъ для себя исключительнаго обладанія сокровищемъ Нибелунговъ, т. е. міровой властью. Но, начиная съ Карла Великаго, міровая власть должна была добиваться своей высшей санкціи въ императорской власти, и достигшій императорской короны мнилъ себя истиннымъ обладателемъ сокровища, хотя бы его «міровое имѣніе» (въ смыслѣ владѣнія землей) и было пространственно очень ограничено. Императорская корона и связанное исключительно съ нею высочайшее право такимъ образомъ сами собою получали все болѣе идеальное значеніе; и въ эпоху совершеннаго изнеможенія франкскаго царствующаго дома, когда

Оттонъ Саксонскій, казалось, опять фактически возстановилъ въ новомъ единеніи съ Римомъ реальную Имперію Карла Великаго, идеальное представленіе объ этомъ племени, также казалось все болѣе и болѣе ясно проступало въ народномъ сознаніи. Франки и ихъ герцогская династія, родственная по крови Карлингамъ, могли разсуждать (понимая это въ духѣ сказанія) приблизительно такъ: «Хотя сейчасъ мы лишены дѣйствительной власти надъ народами и снова ограничены своими предѣлами, но если только мы достигнемъ вновь императорскаго достоинства, къ которому неустанно стремимся, мы тотчасъ приобрѣтемъ вмѣстѣ съ тѣмъ опять и подобающее намъ право на міровое господство, которое мы сумѣемъ использовать лучше, чѣмъ незаконные похитители сокровища, которые не умѣютъ имъ пользоваться».

И дѣйствительно, когда франкская династія опять достигла императорской власти, связанный съ этимъ достоинствомъ міровой вопросъ вступилъ въ новыя важнѣйшія стадіи своего развитія—именно черезъ отношеніе императорской власти къ церкви.

По мѣрѣ того, какъ свѣтская власть теряла свое реальное могущество и все болѣе приближалась къ идеальнымъ формамъ, церковь, бывшая прежде чисто идеальнымъ установленіемъ, захватывала постепенно все больше и больше свѣтское вліяніе. Каждая партія, казалось, понимала, что все первоначально внѣ ея лежавшее, должно быть включено ею въ себя ради твердаго обоснованія своего собственнаго бытія, и такимъ образомъ изначальная противоположность обѣихъ сторонъ должна была усилиться и превратиться въ борьбу за исключительное міровое господство. Благодаря все яснѣе проступа-

павшему пониманію обѣими партіями цѣнности, объ овладѣніи или удержаніи которой шла рѣчь, въ борьбѣ, становившейся все болѣе упорной, императоръ, въ концѣ концовъ, оказался вынужденнымъ, чтобы не поступиться своими реальными притязаніями, присвоить себѣ также и духовное владычество, а папа, со своей стороны, долженъ былъ эти реальные притязанія упразднить, точнѣе говоря, присвоить себѣ, если только онъ желалъ стать или остаться дѣйствительнымъ правителемъ, повелителемъ и главою вселенской церкви.

Проистекающія отсюда притязанія папы основывались на христіанскомъ сознаніи, поскольку считалось, что духу принадлежитъ власть надъ тѣломъ, а слѣдовательно и намѣстнику Бога на землѣ—верховная власть надъ всѣми Его созданіями. Напротивъ, императоръ видѣлъ, что его задача—во что бы то ни стало обосновать свое владычество и свои притязанія совершенно независимо отъ оправданія, освященія или, чего добраго, дарованія ему правъ папою; и въ этомъ отношеніи онъ нашелъ опору, казавшуюся ему достаточною, въ древнемъ вѣрованіи своего народа.

Народная сага о Нибелунгахъ приводила, въ своемъ первоначальномъ значеніи, къ воспоминанію о божественномъ прастцѣ не одного только франкскаго рода, но вѣроятно и всѣхъ народовъ, происшедшихъ изъ азіатской прародины. Этотъ праотецъ, какъ и вообще всегда бываетъ при патріархальномъ строѣ, объединялъ въ себѣ царскую и жреческую власть, какъ неотдѣлимая другъ отъ друга проявленія одной и той же власти. Наступившее впослѣдствіи раздѣленіе властей слѣдуетъ разсматривать уже какъ результатъ зловерднаго распаденья рода; или даже,

въ томъ случаѣ, когда жреческая власть раздѣлялась между всѣми отцами общины, все-таки она могла быть приписана именно только имъ, а не какому-нибудь верховному жрецу, который противостоялъ бы царю, какъ равный; потому что исполненіе приговоровъ жреца, поскольку они, исходя отъ одного лица, имѣли общеобязательное значеніе, могло лежать на обязанности только одного царя, какъ отца всего племени. Что при обращеніи въ христіанство не пришлось вовсе жертвовать этими древними представленіями, подтверждается не только фактически, но и объясняется также безъ труда изъ существеннаго содержанія древнихъ преданій. Верховному боже-ству германцевъ Вотану, благодаря его отвлеченности, не пришлось въ сущности уступать мѣсто Христу; онъ могъ просто съ нимъ совершенно ото-жествиться; онъ утратилъ только тѣ чувственные признаки, которыми надѣлили его различные племена, въ зависимости отъ своихъ племенныхъ особенностей, своей страны и климата, во всемъ же остальномъ приписываемыя ему универсальныя свойства вполне соотвѣтствовали качествамъ приписываемымъ Христу, какъ Богу. Зато стихійныя или мѣстныя природныя божества не могли быть искоренены христіанствомъ до сегодняшняго дня. Народныя сказанія недавняго времени и пышно расцвѣтающія народныя повѣрья указываютъ намъ на это и въ девятнадцатомъ вѣкѣ.

Но то единое, родное родовое божество, отъ котораго отдѣльныя племена непосредственно производили свое земное бытіе, конечно, менѣе всѣхъ другихъ божествъ могло исчезнуть, потому что его связывало съ Христомъ, Сыномъ Божіимъ, то поразительное сходство, что онъ также умеръ, былъ оплаканъ и

отомщенъ, подобно тому, какъ мы и понынѣ мстимъ за Христа евреямъ. Вся вѣрность и преданность германцевъ своимъ богамъ тѣмъ легче перешли на Христа, что въ немъ узнали древнее родовое божество, а такъ какъ Христосъ, какъ Сынъ Божій, былъ отцомъ (по крайней мѣрѣ духовнымъ) всѣхъ людей, то это вполне согласовалось съ народными представленіями франкскаго племени о своемъ праотцѣ и, слѣдовательно, еще болѣе возвышало и оправдывало притязанія франковъ, считавшихъ себя самымъ старшимъ изъ племенъ и полагавшихъ, что отъ нихъ произошли всѣ остальные народы. Такимъ образомъ христіанство, въ такомъ чувственномъ и несовершенномъ его пониманіи, могло скорѣе укрѣпить, нежели поколебать франковъ въ ихъ національной вѣрѣ, особенно въ отношеніи къ римской церкви; какъ противоположность этой геніальной стойкости повѣрья Вибелинговъ, мы видимъ ожесточенную какъ бы инстинктивную борьбу церкви съ этимъ внушающимъ ей ужасъ и отвращеніе послѣднимъ, но зато самымъ крѣпкимъ остаткомъ подлиннаго язычества въ глубоко ненавистномъ ей племени.

«ГИБЕЛИНСКАЯ» ИМПЕРІЯ И ФРИДРИХЪ I.

Весьма заслуживаетъ вниманія стремленіе Вибелинговъ (называя ихъ современнымъ имъ народнымъ языкомъ) или Вибелунговъ къ идеальному оправданію своихъ притязаній, которое выступаетъ все яснѣе по мѣрѣ того, какъ они по крови все болѣе и болѣе удаляются отъ непосредственнаго родства съ древнимъ царственнымъ домомъ. Въ то время, какъ у Карла Великаго была еще сильная и опредѣленная кровная связь съ этимъ родомъ, у Гогенштауфена Фридриха I мы находимъ почти ужъ одно только стремленіе къ идеальной связи: въ концѣ концовъ, въ душѣ всякаго императора всегда была мысль, что по своей крови и по составу своихъ дѣйствительныхъ владѣній онъ имѣлъ все меньше правъ на престолъ, и что поэтому онъ долженъ искать ихъ въ идеѣ.

При обоихъ послѣднихъ императорахъ изъ герцогской династіи салійскихъ франковъ, возгорѣлась, съ необыкновенной страстностью, великая борьба съ церковью. Генрихъ V, котораго передъ этимъ церковь поддерживала въ его борьбѣ съ его несчастнымъ отцомъ, едва вступивъ на престолъ, тотчасъ же почувствовалъ въ себѣ роковое и непреодолимое стремленіе возобновить борьбу своего отца противъ церкви и присоединить къ вынужденной защитѣ церковныхъ притязаній свои собственныя еще болѣе широкія притязанія, а именно онъ долженъ былъ понять, что императорская власть немыслима безъ права на міровое господство, а слѣдовательно, между прочимъ и на господство надъ церковью. Характерно напротивъ, что бывшій императоромъ въ междоусобицѣ не Вибелингъ, Лотарь, миролюбиво сталъ въ подчиненное положеніе

относительно церкви; онъ не понималъ, что, собственно, значить императорское достоинство; его притязанія не посягали на міровое господство, стремленіе къ которому было наслѣдственнымъ удѣломъ Вибелунговъ—законныхъ претендентовъ на обладаніе сокровищемъ. Наоборотъ, великій Фридрихъ I понималъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ и съ такою ясностью и отчетливостью, какъ никто до него, эту наслѣдственную идею. Весь внутренній и внѣшній распадъ міра представлялся ему естественнымъ слѣдствіемъ того несовершенства и той слабости, съ которыми проявлялась до сихъ поръ императорская власть; реальное могущество, которое было въ глазахъ императора уже жестоко отравлено, должно было совершенно замѣниться идеальнымъ значеніемъ, а это могло случиться лишь въ томъ случаѣ, если бы были осуществлены всѣ даже самыя крайнія притязанія. Идеальный планъ великаго строенія, стоявшій предъ мужественной душой Фридриха, вырисовывался (какъ намъ теперь позволительно выразить это въ свободной формѣ) приблизительно въ слѣдующихъ чертахъ.

«Въ германскомъ народѣ сохранился древнѣйшій въ мірѣ царственный родъ, имѣющій исконныя права на міровое владычество: онъ происходитъ непосредственно отъ сына Божія, который своему собственному роду открылся подъ именемъ Зигфрида, остальнымъ же народамъ земли подъ именемъ Христа; онъ совершилъ ради спасенія и блаженства своего рода и происшедшихъ отъ него народовъ земли высочайшее дѣяніе и ради этого дѣянія претерпѣлъ смерть. Ближайшими наслѣдниками его дѣянія и приобрѣтеннаго благодаря ему могущества являются «Нибелунги», которымъ, во имя и ради

счастья всѣхъ народовъ, принадлежи́тъ міръ. Германцы—древнѣйшій народъ; ихъ наслѣдственный царь «Нибелунгъ»; какъ стоящій во главѣ ихъ онъ имѣетъ права на міровое господство. Поэтому не существуетъ въ этомъ мірѣ никакого права на обладаніе или пользованіе чѣмъ бы то ни было, которое не исходило бы отъ этого царя и не освящалось бы исключительно только благодаря его пожалованію или утвержденію. Всякое обладаніе или пользованіе, которое не пожаловано или не утверждено императоромъ, само по себѣ незаконно и является грабежомъ, потому что императоръ жалуе́тъ и утверждаетъ, сообразуясь съ общимъ благомъ, съ владѣніемъ и интересами всѣхъ, въ противоположность чему самовольное пріобрѣтеніе отдѣльнаго лица есть грабежъ у другихъ. Въ нѣмецкомъ народѣ императоръ самъ распределяетъ пожалованія и утверждаетъ собственность, у другихъ же народовъ ихъ короли и князья являются замѣстителями императора, отъ котораго первоначально исходитъ всякая полнота власти на землѣ, подобно тому, какъ планеты и ихъ луны заимствуютъ свой свѣтъ у солнца. Также императоръ переноситъ и на римскаго папу свою первосвященническую власть, которая ему изначально принадлежитъ не менѣе, чѣмъ свѣтская; папа же долженъ отъ имени императора общаться съ Богомъ и возвѣщать императору волю Божию, чтобы тотъ во имя Божіе осуществлялъ волю небесъ на землѣ. Папа, такимъ образомъ, просто важнѣйшее должностное лицо у императора, и чѣмъ важнѣе его должность, тѣмъ строже надлежитъ императору слѣдить за тѣмъ, чтобы она исполнялась папою въ духъ его, императора, т. е. имѣла цѣлью благо и миръ всѣхъ народовъ земли».

Именно такъ слѣдуетъ оцѣнивать взгляды Фридри-

ха на свое высочайшее достоинство и на свои божественныя права, если только мы хотимъ правильно понять ясно выступающія на свѣтъ побудительныя причины его дѣйствій. Прежде всего мы видимъ какъ существенно укрѣпилъ онъ основанія своей реальной власти тѣмъ, что старался прекратить всѣ мѣшавшіе ему территоріальные споры въ Германіи, въ духѣ примиренія съ Вельфами, породнившимися съ нимъ теперь;—князей же пограничныхъ народовъ, а именно датчанъ, поляковъ и венгровъ, принудилъ принять отъ него ихъ земли въ качествѣ ленныхъ владѣній. Усиливъ такимъ образомъ свою власть, онъ отправился въ Италію и тамъ на ронкальскомъ сеймѣ, въ качествѣ судьи надъ ломбардцами, впервые развилъ передъ всѣмъ міромъ основные принципы и черты императорской власти, въ которыхъ мы, независимо отъ несомнѣннаго вліянія принциповъ римской императорской власти, узнаемъ прямыя слѣдствія только что описаннаго представленія Фридриха о своемъ достоинствѣ; поэтому и распространялъ онъ свое право такъ далеко и толковалъ его такъ широко, вплоть до пожалованія воды и воздуха.

Первоначально сдерживаемыя смѣлыя требованія его относительно господства надъ церковью, въ концѣ концовъ проявились не менѣе опредѣленно. Одновременное избраніе двухъ папъ дало ему поводъ проявить все высшее право въ томъ смыслѣ, что онъ, строго соблюдая представлявшіяся ему цѣнными духовныя формы, предпринялъ разслѣдованіе выборовъ папы и устранилъ казавшагося незаконно избраннымъ второго папу, а его оправданнаго соперника ввелъ въ должность.

Каждый походъ Фридриха, каждое его предпріятіе,

каждое исходящее отъ него рѣшеніе указывало отнынѣ непрекаемо на неуклонную послѣдовательность, съ которою онъ неутомимо стремился осуществить осозанный имъ высокій идеаль. Непреклонная твердость, съ которою онъ противопоставлялъ свою власть власти не менѣе твердаго папы Александра III, почти сверхчеловѣческая строгость, по своей природѣ и по своимъ врожденнымъ свойствамъ вовсе не жестокаго государя, съ которою онъ обрекъ мятежный Миланъ на гибель—вотъ воплощенные моменты руководившей имъ великой идеи.

Но повелителю міра, бравшему приступомъ небеса, противостояли два могущественныхъ врага; одинъ въ исходной точкѣ его реальной власти, въ его нѣмецкихъ владѣніяхъ, другой же въ конечной точкѣ его идеальныхъ стремленій—въ лицѣ опирающейся главнымъ образомъ на сознаніе романскихъ народовъ, католической церкви. Оба врага соединились съ третьимъ, которому въ извѣстной мѣрѣ самъ императоръ далъ впервые самосознаніе: это было стремленіе ломбардскихъ общинъ къ свободѣ.

Если въ древности противодѣйствіе нѣмецкихъ племенъ основывалось на стремленіи къ освобожденію отъ франкскихъ властителей, то со временемъ это побужденіе переходило отъ раздробленныхъ племенныхъ общинъ къ князьямъ, которые овладѣвали этими обломками; и если стремленіе этихъ князей принимало отрицательный характеръ своекорыстнаго властолюбія, то все-таки жажда независимаго удовлетворенія этого чувства могла имъ казаться борьбой за свободу, хотя теперь она и представляется намъ совсѣмъ не благородной. Стремленіе церкви къ свободѣ было несравненно идеальнѣе и универ-

сальнѣ, оно могло считаться въ христіанскомъ пониманіи борьбою духа за освобожденіе отъ оковъ грубо чувственнаго міра, и несомнѣнно, что такъ и думали значительнѣйшіе князья церкви; но церковь уже слишкомъ глубоко погрузилась въ участіе въ свѣтскомъ властвованіи и именно поэтому ея окончательная побѣда могла быть достигнута лишь вмѣстѣ съ извращеніемъ ея собственной души.

Въ противоположность этому, духъ свободы встрѣчается намъ въ самомъ чистомъ видѣ въ ломбардскихъ городскихъ общинахъ, и какъ разъ (къ сожалѣнію, пожалуй, даже единственно) въ ихъ рѣшающей борьбѣ противъ Фридриха. Эта борьба является замѣчательнѣйшимъ слѣдствіемъ предшествовавшего историческаго періода, поскольку въ ней, въ первый разъ въ міровой исторіи, воплощенный въ гражданскихъ общинахъ духъ древне-человѣческой свободы вступилъ въ борьбу на жизнь и смерть противъ образовавшейся позднѣе всеобъемлющей царской власти. Борьба Аеинъ противъ персовъ была патріотической обороной противъ колоссальнаго монархическаго завоевательнаго похода. Всѣ вообще подобныя славныя дѣянія отдѣльныхъ городскихъ общинъ, вплоть до эпохи ломбардцевъ, носили одинъ и тотъ же характеръ защиты древней, племенной и національной независимости противъ иноземныхъ завоевателей. Но этой завѣщанной древностью свободы, которая неразрывно связана съ сохранившимся въ чистотѣ національнымъ типомъ, у ломбардскихъ общинъ во всякомъ случаѣ вовсе не было; изъ исторіи видно, что составленное изъ всѣхъ національностей и не имѣющее никакого историческаго прошлаго населеніе этихъ городовъ малодушно становилось добычей всякаго завоевателя; въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія населеніе

этихъ городовъ жило въ полнѣйшемъ безсиліи; населяла ихъ не какая-нибудь національность, въ смыслѣ сознающаго свое древнее происхожденіе племени; въ нихъ жили только люди, которыхъ жизненные потребности и желаніе обезпечить спокойную дѣятельность всесторонней охраной побудили къ постепенному все болѣе ясному развитію принциповъ общественности и осуществленію ихъ въ формѣ городской общины.

Этотъ новый принципъ, независимый отъ всякихъ историческихъ традицій, возникшій самъ собою, обязанъ своимъ историческимъ происхожденіемъ населенію ломбардскихъ городовъ, которые благодаря ему даже и при несовершенномъ его пониманіи и при невозможности достигъ черезъ него длительного благополучія, все-таки развились отъ состоянія глубочайшей слабости до проявленій высочайшей силы, и если уподобить появленіе этого принципа въ исторіи искрѣ изсѣкаемой изъ камня, то въ такомъ случаѣ Фридрихъ—та сталь, которая изсѣкла ее изъ камня.

Фридрихъ—представитель послѣдней отрасли древняго царственнаго рода, исполняя своей могучей десницей роковыя предопредѣленія, изсѣкъ изъ скалы челоуѣчества искру, въ блескѣ которой долженъ былъ самъ поблѣднѣть. Папа шеырнулъ въ него анаемой, Вельфъ Генрихъ покинулъ своего короля въ минуту крайней нужды, — и мечъ ломбардскихъ союзниковъ жестокимъ ударомъ обрушился на царственнаго героя, нанеся ему страшное пораженіе при Линьяно.

ВЫЯВЛЕНІЕ ИДЕАЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ СОКРОВИЩА ВЪ ЛЕГЕНДѢ О «СВЯТОМЪ ГРААЛѢ».

Властитель міра хорошо понялъ, съ какой стороны была нанесена ему самая тяжелая рана, и кто крикнулъ рѣшительное: Стой! осуществленію его міровыхъ плановъ. Это былъ духъ свободнаго человѣчества, оторваннаго отъ наслѣдственной, родовой и природной почвы; онъ объединилъ противъ Фридриха ломбардскихъ союзниковъ. Быстро справился онъ съ первыми двумя врагами: первосвященнику протянулъ руку, съ уничтожающей силой обрушился на своекорыстнаго Вельфа и, достигнувъ такимъ образомъ снова вершины силы и безспорнаго могущества,— онъ объявилъ ломбардцевъ свободными и заключилъ съ ними долговременный миръ.

Въ Майнцѣ собралъ онъ вокругъ себя все свое государство; всѣхъ своихъ ленныхъ вассаловъ, отъ перваго до послѣдняго, пожелалъ онъ привѣтствовать; все духовенство и всѣ міряне собрались вокругъ его трона, и государи всѣхъ странъ послали къ нему своихъ пословъ съ богатыми дарами для изъявленія покорности его императорской власти. А Палестина обратилась къ нему съ мольбою о помощи и освобожденіи Гроба Господня. И Фридрихъ обратилъ свой взоръ на Востокъ: неудержимо повлекло его въ Азію, на прародину всѣхъ народовъ, къ мѣстамъ, гдѣ праотецъ человѣчества былъ порожденъ самимъ Богомъ. Чудесныя сказанія услыхалъ онъ о дивной странѣ, лежащей въ глубинѣ Азіи, въ далекой Индіи—сказанія о божественномъ священникѣ-царѣ, который царствуетъ

тамъ надъ счастливымъ и чистымъ народомъ. Царь тотъ безсмертенъ, ибо живетъ въ общеніи съ чудотворной святыней, которую сказаніе называетъ «святымъ Граалемъ». Не долженъ ли былъ Императоръ обрѣсти тамъ утраченное богосозерцаніе, которое нынѣ властолюбивые римскіе первосвященники толковали по своему благоусмотрѣнію.

И старый герой поднялся; въ сопровожденіи великолѣпной военной свиты направился онъ черезъ Грецію: онъ могъ ее покорить, но зачѣмъ она ему? — его влекло неудержимо въ далекую Азію, тамъ сокрушилъ онъ въ отчаянной битвѣ могущество сарациновъ; беззащитной лежала передъ нимъ обѣтованная страна; оставалось перейти только черезъ рѣку; онъ не могъ дожидаться постройки удобнаго моста, нетерпѣливо рвался онъ на Востокъ: верхомъ на конѣ, онъ бросился въ рѣку—никто не видалъ его больше живымъ.

И пошло съ тѣхъ поръ сказаніе: дѣйствительно переселился однажды на западъ хранитель Грааля съ священнымъ сосудомъ; великія сотворилъ онъ тамъ чудеса; въ Нидерландахъ, древнемъ владѣніи Нибелунговъ, показался однажды рыцарь Грааля, но какъ только за нимъ стали вопреки запрещенію слѣдить, онъ снова исчезъ. Грааль былъ снова унесенъ своимъ древнимъ хранителемъ на далекій Востокъ, онъ хранится въ Индіи, на высокой горѣ, въ крѣпости.

Въ дѣйствительности сказаніе о святомъ Граалѣ получило міровое значеніе тогда, когда императорская власть приняла главнымъ образомъ идеальное направленіе. При этомъ сокровище Нибелунговъ все болѣе теряло свою реальную цѣнность, которая уступала мѣсто болѣе духовному содержанію. Духовное выявленіе

сокровища въ Граалѣ совершилсѣ въ германскомъ сознаніи, и Грааль, по крайней мѣрѣ, въ толкованіи, приданномъ ему нѣмецкими поэтами, долженъ считаться идеальной замѣной и продолженіемъ сокровища Нибелунговъ; и онъ происходилъ изъ Азіи, съ прародины человѣчества; Богъ даровалъ его людямъ, какъ символъ всего святаго.

Важнѣе всего, что хранитель Грааля былъ вмѣстѣ и священникомъ и царемъ, слѣдовательно главой всего духовнаго рыцарства, какъ оно сложилось въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и перешло съ Востока на Западъ. И этимъ главой былъ поистинѣ не кто иной какъ самъ Императоръ, отъ котораго исходило все рыцарство, и въ этомъ отношеніи въ императорѣ было, казалось, достигнуто совершенное объединеніе высочайшей царской и первосвященнической власти, высочайшее въ мірѣ реальное и идеальное величіе.

Исканіе Грааля замѣнило борьбу за сокровище Нибелунговъ и, какъ западный міръ, неудовлетворенный въ глубинѣ души, въ концѣ концовъ покинулъ Римъ и папу, чтобы найти истинное мѣсто спасенія въ Іерусалимѣ у гроба Спасителя—какъ даже оттуда, неудовлетворенный, бросалъ онъ полные духовнаго и чувственнаго томленія и тоски взоры еще дальше на Востокъ, мечтая найти тамъ древнѣйшую святыню человѣчества,—такъ и Грааль снова удалился съ развращеннаго Запада на чистую и невинную родину всѣхъ народовъ.

Если, обозрѣвая древнюю сагу о Нибелунгахъ, мы видимъ ея духовное зерно какъ бы прорастающимъ изъ первоначальнаго возрѣнія древнѣйшаго племени на природу; если, въ историческомъ развитіи саги, мы наблюдаемъ, какъ это зерно развивается въ

сильное растеніе на все болѣе реальной почвѣ, такъ что при Карлѣ Великому глубоко пускаетъ корни въ дѣйствительную землю,—то, наконецъ, въ вибелингской имперіи Фридриха I, это растеніе какъ бы раскрываетъ свои прекрасные цвѣты навстрѣчу солнцу. Вмѣстѣ съ вибелингской имперіей увяло и растеніе. Въ его внукѣ Фридрихѣ II, наиболѣе духовно одаренномъ изъ всѣхъ императоровъ, распространяется на весь міръ отъ Запада до Востока чудесный запахъ умирающаго растенія, какъ сладостное благоуханіе сказки,—пока, наконецъ, вмѣстѣ съ его внукомъ, юнымъ Конрадомъ, безлиственный увядшій стволъ растенія, со всѣми его корнями и волокнами, не былъ вырванъ изъ земли и уничтоженъ.

«ФАКТИЧЕСКОЕ ОБЛАДАНИЕ», КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОСАДОКЪ РЕАЛЬНОГО СОДЕРЖАНІЯ СОКРОВИЩА.

Крикъ смертельнаго ужаса пронесся по всѣмъ народамъ, когда голова Конрада упала въ Неапольъ подъ ударомъ того самаго Карла Анжуйскаго, который можетъ служить по всѣмъ своимъ стремленіямъ подлиннымъ прообразомъ всего послѣ-визиготскаго развитія царской власти. Онъ принадлежалъ къ древнѣйшей изъ новыхъ королевскихъ династій: во Франціи уже давно Капетинги смѣнили французскихъ Карлинговъ. Происхожденіе Гуго Капета было хорошо извѣстно; всякій зналъ, чѣмъ былъ его родъ прежде и какимъ образомъ онъ достигъ королевской короны; умъ, политика и, гдѣ уместно, сила помогали ему и его потомкамъ и замѣняли имъ право на власть, котораго въ представленіи народа они не имѣли. Эти Капетинги во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ вѣтвяхъ являлись прообразомъ современной королевской и княжеской власти; они не могли искать оправданія своихъ притязаній въ признаніи своего доисторическаго происхожденія; о каждомъ князѣ ихъ современники и потомки знали, благодаря какому только пожалованію и по какой цѣнѣ, или благодаря какому насильственному дѣйствию достигъ онъ власти; благодаря какому искусству или какими средствами долженъ онъ былъ стремиться ее удержать.

Съ крушеніемъ Визиготовъ порвалась послѣдняя нить, до извѣстной степени связывавшая человѣчество съ его природнымъ родовымъ истокомъ. Сокровище Визиготовъ укрылось въ царство поэзіи и чистой идеи; и только одинъ остался отъ него осадокъ на землѣ: реальное обладаніе.

Въ мнѣ о Нибелунгахъ могли мы узнать выраженное съ исключительною остротою воззрѣніе на сущность обладанія и собственности всѣхъ тѣхъ человѣческихъ племенъ, которыя его восприняли, развили, проявили. Если въ древнѣйшихъ религіозныхъ представленіяхъ, сокровище могло являться, какъ раскрытое для всѣхъ при свѣтѣ дня великолѣпіе земли, то позднѣе мы видимъ его въ уплотненной формѣ, какъ дарующую могущество добычу героя, которую вырвалъ онъ, какъ награду за свой отважнѣйшій и поразительнѣйшій подвигъ, у побѣжденного имъ ужаснаго противника. Это сокровище, этотъ талисманъ, дарующій всякую власть, становится, правда, отнынѣ предметомъ вождельнія со стороны потомковъ этого божественнаго героя, притязавшихъ на него, какъ бы по праву наслѣдства; но въ высшей степени характерно, что оно никогда не могло быть обрѣтено въ лѣнивомъ спокойствіи исключительно по договору, но могло быть имъ снова добыто лишь посредствомъ дѣянія, подобнаго подвигу перваго его завоевателя. Постоянно вновь совершаемый, ради наслѣдія, подвигъ имѣлъ собственно, нравственное значеніе кровавой мести, отомщенія за убійство родственника: мы видимъ, слѣдовательно, при добычаніи сокровища кровь, страсть, любовь, ненависть, словомъ,—и чувственно и духовно—чисто человѣскія чувства и побужденія; мы видимъ въ центрѣ всѣхъ представленій о первоначальныхъ условіяхъ пріобрѣтенія собственности человѣка, неутомимаго и страждущаго, обреченнаго благодаря своему дѣянью, своей побѣдѣ и прежде всего своей собственности—заранѣе извѣстной ему смерти. Этимъ воззрѣніемъ, согласно которымъ человѣкъ мыслился прежде всего облагоустроеннымъ и представлялся источникомъ

всякой силы, соотвѣтствовалъ вполнѣ тотъ способъ, какимъ въ дѣйствительной жизни обыкновенно располагали имуществомъ. Если въ древнѣйшія времена считалось самымъ естественнымъ и самымъ простымъ правиломъ, что мѣра обладанія или пользованія должна соотвѣтствовать потребностямъ человѣка, то съ не меньшею естественностью выступаетъ при окружающемъ изобиліи, у народовъ - побѣдителей новый принципъ распредѣленія, заключающійся въ томъ, что сила и храбрость дѣяній славнѣйшаго изъ воиновъ даютъ ему право на богатѣйшія и приносящія наибольшую пользу пріобрѣтенія. Мы видимъ, что въ исторической организаціи ленныхъ отношеній, поскольку они сохраняли свою первоначальную чистоту, еще ясно выражался этотъ основной принципъ героическаго человѣчества: пожалованіе какого-либо блага считалось дѣйствительнымъ только для человѣка, который могъ притязать на него, благодаря своему личному дѣянію, какому-нибудь важному подвигу или служенію; съ того мгновенія, какъ ленное владѣніе стало наследственнымъ, потерялъ человѣкъ свое личное значеніе, его дѣянія и поступки—свою цѣнность, эта послѣдняя перешла съ него на его имущество: имущество, ставшее наследственнымъ, а не личная доблесть, придавало наследникамъ ихъ значеніе; и происходящее отсюда все болѣе глубокое обезцѣненіе человѣка и все болѣе высокая оцѣнка имущества, воплотились, наконецъ, въ такомъ противочеловѣчнѣйшемъ установленіи, какъ учрежденіе майората, изъ котораго чудовищно извращеннымъ образомъ позднѣйшій дворянинъ черпалъ всю свою спесь и все свое высокомеріе, не думая о томъ, что основывая свое достоинство исключительно на закрѣпленномъ родовомъ имуществѣ, онъ этимъ самымъ открыто отрицалъ

въ себѣ и отклонялъ отъ себя свое дѣйствительное
человѣческое благородство.

Это имущество, сдѣлавшееся наслѣдственнымъ,
а позднѣе вообще всякое имущество, всякое фак-
тическое обладаніе—стало послѣ паденія ге-
роевъ Вибелунговъ оправданіемъ всего устойчи-
ваго и приобретаемаго; собственность давала теперь
человѣку то право, которсе раньше человѣкъ пере-
носилъ съ себя на свою собственность. Этотъ осадокъ
исчезнувшего сокровища Нибелунговъ сохранили
для себя трезвые германскіе владѣтели; пусть импе-
раторъ возносился на вершину идеи,—все что
лежало внизу, всѣ герцогства, пфальцграфства,
маркграфства и графства, всѣ пожалованные импера-
торомъ должности и титулы уплотнились въ рукахъ
отнюдь не возвышенно настроенныхъ вассаловъ до
степени имущества, собственности. Обладаніе
стало отнынѣ правомъ, и поддерживалось это
благодаря тому, что отнынѣ, согласно все болѣе и
болѣе укоренявшейся системѣ, все устойчивое и зна-
чительное производилось только отъ имущества. Кто
какимъ-нибудь образомъ участвовалъ во владѣніи
имуществомъ или кто сумѣлъ имъ овладѣть, тотъ
считался, но именно только съ этихъ поръ,
естественной опорой официальной власти. Но и эта
опора должна была быть освящена; то самое осно-
ваніе, которое славнѣйшіе императоры съ полною
искренностью и твердою вѣрою принимали, какъ
идеальное оправданіе своего стремленія къ міровому
господству, эти практичные господа примѣнили те-
перь къ своему имуществу; древнее божественное
право приписалъ себѣ каждый бывшій император-
скій чиновникъ. Божественное опредѣленіе было ис-
толковано въ смыслѣ Юстиніанова римскаго права,

и, при смущенномъ удивленіи человѣчества, неожиданно увидѣвшаго себя прикрѣпленнымъ къ собственности, включено въ латинскіе судебники. Избиравшіеся еще попрежнему государи, титуль которыхъ тотчасъ же послѣ паденія Вибелунговъ сбыли первому попавшемуся, больше другихъ заплатившему богачу, послѣ своего избранія начинали старательнымъ образомъ стремиться къ тому, чтобы какое-нибудь значительное владѣніе добыть себѣ «Божіею Милостью», какъ отнынѣ называлось это насильственное присвоеніе или приторговываніе земель; міровое же господство эти ставшіе болѣе благоразумными государи смѣло предоставили Господу Богу, который относился къ подлости фактически господствовавшихъ, своекорыстныхъ и негодныхъ сыновъ священной римской имперіи гораздо гуманнѣе и снисходительнѣе, нежели старые языческіе исполины - Нибелунги, которые совершившихъ безстыдные поступки попросту кратко и властно сгоняли съ двора и лишали ленныхъ владѣній.

«Бѣдный народъ» пѣлъ, читалъ и въ послѣдствіи печаталъ пѣсни о Нибелунгахъ, единственное оставшееся ему наслѣдіе отъ сокровища: никогда не исчезала вѣра въ него, но было извѣстно, что больше его на свѣтѣ не существуетъ, потому что оно снова погрузилось въ такую же гору, какъ та, изъ которой его нѣкогда досталъ, отнявъ у Нибелунговъ, Зигфридъ. Но въ эту гору оно было возвращено теперь самымъ великимъ Императоромъ, чтобы сохранить его тамъ до лучшихъ временъ. Тамъ въ Киффгейзерѣ сидитъ теперь онъ, старый Фридрихъ Барбаросса; вокругъ него сокровища Нибелунговъ; при немъ острый мечъ, нѣкогда поразившій свирѣпаго дракона.

О «ВИБЕЛУНГАХЪ» ВАГНЕРА.

Въ нашемъ кружкѣ*) уже часто говорилось, и вообще, и въ примѣненіи къ частностямъ, что въ твореніяхъ Вагнера мы находимъ вовсе не драматизацію народныхъ сказаній, а совершенно оригинальныя созданія, лишь приуроченныя къ тѣмъ или другимъ мифологическимъ событіямъ. Съ удивленіемъ, съ изумленіемъ видимъ мы, что отдѣльныя черты сказанія всплываютъ въ томъ или другомъ произведеніи почти только какъ воспоминанія, большею частію совсѣмъ въ другой связи, съ совершенно инымъ внутреннимъ обоснованіемъ, и несмотря на это кажется, что именно въ нихъ впервые каждая черта сказанія поставлена на свое мѣсто, и что лишь благодаря этому обнажается истинное зерно саги. Правда, часто высказываемая прежде мысль, что, въ особенности въ мифическихъ образахъ «Кольца», мы должны видѣть изначальную форму саги, открывшуюся безсознательному ясновидѣнію художника, не подтвердилась новѣйшими изслѣдованіями, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что въ Вагнеровскихъ твореніяхъ мы находимъ элементы сказанія въ ихъ первоначальной чистой формѣ. И если я сегодня направлю ваше вниманіе на подобное же разсмотрѣніе одной прозаической статьи Вагнера, и попытаюсь на нѣкоторыхъ частностяхъ показать, что предлагаемый Вагнеромъ взглядъ, толкующій историческія событія, какъ выраженіе непрестанно господствующаго, почти

*) Настоящая статья представляетъ собою лекцію, читанную въ академическомъ Союзѣ имени Рихарда Вагнера въ Лейпцигѣ. Она была напечатана въ «Bayreuther Blätter», Jahrgang XXI (1898).
Примѣч. перев.

безсознательнаго, общаго представленія, подтверждается отдѣльными историческими свидѣтельствами, то я не думаю вовсе дать этимъ ключъ къ пониманію статьи Вагнера, какъ и предыдущія наши обсужденія сказочнаго содержанія драмъ не ставили себѣ цѣлью замѣнить ихъ чисто художественнаго пониманія; но подобныя разсмотрѣнія все-таки дають намъ возможность бросить взглядъ въ тайники Вагнера творчества и указываютъ на его способность усматривать въ миѣическихъ и историческихъ ображеніяхъ выраженіе развивающейся идеи.

Результаты своей работы надъ «ожидаемымъ столь многими пробужденіемъ Фридриха Барбароссы» мастеръ изложилъ въ изданной лѣтомъ 1848 года статьѣ «Вибелунги». Знаменателенъ подзаголовокъ этой статьи въ собраніи сочиненій: «Всемирная исторія на основаніи сказанія». И дѣйствительно тамъ собраны различныя черты саги, и изъ нихъ, какъ ихъ слѣдствія, выведены историческія явленія; слѣдовательно, всемірная исторія строится здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, на основаніи саги.

Чтобы воспроизвести существенное содержаніе статьи, поскольку оно можетъ быть сдѣлано мною предметомъ историческаго разсмотрѣнія, необходимо прослѣдить слѣдующій ходъ мыслей: въ германскомъ народѣ, вѣроятно въ связи съ идеей римской императорской власти и съ естественными воспоминаніями, еще со времени франкскаго царства господствовало представленіе о таинственной силѣ золота, въ особенности клада, принадлежавшаго франкскимъ королямъ, и переходившаго вмѣстѣ съ короной отъ одного правителя къ другому, въ предѣлахъ того же самаго рода. Послѣдними обладателями этого царскаго сокровища, могущественнѣй-

шими представителями воплощенной въ немъ полноты власти являлись правители изъ династіи Гогенштауфеновъ. Съ ея крушеніемъ связано народное предствленіе о сокровищѣ, дремлющемъ въ пещерѣ въ горѣ, и о покоѣ царской династіи, погруженной въ сонъ до тѣхъ поръ, пока сокровище и императоръ не предстанутъ снова въ сіяющемъ блескѣ предъ угнетеннымъ народомъ. Когда германскія племена основали на развалинахъ Западной Римской имперіи самостоятельныя государства, если только вообще можно назвать эти свободные союзы государствами, естественно было, что они стремились, въ особенности на древне-римской почвѣ Италіи и южной Франціи, возстановить въ отношеніи внѣшнихъ формъ древнюю имперію. Но удивительно то, что когда, послѣ смѣны различныхъ племенъ въ тѣхъ странахъ, наступила постепенная германизация, опять-таки во внѣшнихъ формахъ, этихъ государствъ, Восточная Римская Имперія продолжала разсматриваться повсемѣстно, какъ духовный владыка, какъ источникъ всякой вообще власти, несмотря на неоднократныя враждебныя съ ней столкновенія. Правители этихъ племенъ неизмѣнно старались сообщить своей власти сіяніе древняго достоинства, добываясь пожалованія различныхъ придворныхъ званій Восточной Римской Имперіи, какъ то «*princeps senatus*», «*praefectus praetorio*» и т. д.

Послѣ покоренія Италіи, остготъ Теодорихъ пишетъ императору Анастасію, въ 493 году: «Вы являетесь для всего міра спасеніемъ и защитой, и всѣ остальные правители справедливо подчиняются Вамъ, потому что чувствуютъ, что Вамъ свойственно нѣчто исключительное». Это не было только политической вѣжливостью, ибо тогда Теодорихъ, увѣнчанный

славою побѣдитель, вовсе не нуждался въ помощи Восточной Римской Имперіи. Въ 543 году потомки Хлодвига получаютъ отъ императора Юстиніана, въ качествѣ торжественнаго пожалованія, право чеканить золотую монету, съ собственнымъ изображеніемъ, точно такъ же, какъ незадолго передъ этимъ, имъ было даровано право устраивать цирковыя зрѣлища. Въ этихъ внѣшнихъ церемоніяхъ замѣчательно не столько дипломатическое искусство Восточной Римской Имперіи, которая хотѣла создать впечатлѣніе мнимаго могущества, сколько то обстоятельство, что совершенно независимые франкскіе государи принимали подобныя пожалованія съ удовольствіемъ, какъ будто это освящало и узаконяло ихъ господство; это обстоятельство опредѣленно указываетъ на то, что въ такого рода событіяхъ слѣдуетъ видѣть проявленіе повсюду господствовавшаго представленія о могуществѣ и возвышенности императорской власти. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, указанная внѣшняя связь съ Восточной Римской Имперіей совершенно прекращается лишь послѣ перенесенія императорской короны на Карла Великаго.

Къ представленію объ исключительномъ могуществѣ той правительственной власти, которая имѣетъ своимъ истокомъ Восточную Римскую Имперію, присоединялся, какъ дополненіе, всѣцѣло господствовавшій тогда принципъ зависимости. Герцогъ, стоявшій во главѣ племени, связывалъ себя съ дворянствомъ клятвою вѣрности и отдачею своей жизни на вѣрное служеніе; дворянство же, въ свою очередь, было такимъ же образомъ связано со своими служилыми людьми; это, правда, не мѣшало иногда франкскимъ вельможамъ, во времена особеннаго одичанія

франковъ, въ шестомъ и седьмомъ столѣтіи, измѣнять подчасъ личности того или другого правителя; однако верховная власть всегда должна была, хотя часто лишь по внѣшности, быть въ рукахъ одного изъ членовъ рода Меровинговъ. Эта династія была освящена властью.

Наконецъ, какъ третій элементъ, къ образованію понятія о священной царской власти присоединяется еще и представленіе о могуществѣ сокровища. На то, что это воззрѣніе не было чуждо уже и римлянамъ, довольно ясно указываетъ разсказъ Авла Геллія о вошедшемъ въ пословицу «*aurum tolosanum*», которое поражало болѣзнью и смертью всѣхъ солдатъ, желавшихъ при разграбленіи Тулузы поживиться этимъ золотомъ. Точно также, въ большомъ количествѣ встрѣчаемъ мы въ десяти книгахъ франкской исторіи Григорія Турскаго и въ хроникѣ монаха Фредегарія, свидѣтельства о вѣрованіи во власть золота. Тамъ разсказывается о томъ, какъ Хильперихъ, чтобы укрѣпить свой пошатнувшійся авторитетъ, приказалъ изъ множества золота и драгоцѣнныхъ камней сложить драгоцѣнное украшеніе и, какъ онъ громко заявилъ, выставить его на показъ, во славу франкскаго народа; какъ для каждого члена царской семьи, съ самаго ранняго его возраста, копится сокровище; какъ, послѣ смерти царя, между его наслѣдниками прежде всего возгорается споръ изъ-за сокровища; какъ часто царскія дочери, ради принадлежащаго имъ сокровища, брались въ жены, а послѣ того, какъ ихъ мужья овладѣвали сокровищемъ, бывали вновь изгоняемы, и многое тому подобное. Сюда же относится и свидѣтельство, что Карлъ Великій былъ магическою силою золота прикованъ къ смертному одру одной умершей своей возлюблен-

ной, и что его могли поднять отъ одра лишь послѣ того, какъ открыли, что у покойницы подъ языкомъ былъ спрятанъ перстень, подаренный ей императоромъ.

На эти сообщенія не слѣдуетъ смотрѣть съ усмѣшкой, какъ на праздные вымыслы, порожденные страстью старыхъ лѣтописцевъ къ повѣствованію. Лѣтописцы вѣдь, въ концѣ концовъ, сообщаютъ только то, что они слышатъ отъ другихъ, и что является, слѣдовательно, распространеннымъ воззрѣніемъ. Будучи сопоставлены вмѣстѣ, эти отдѣльные рассказы даютъ надежную картину, изображающую общія представленія о могуществѣ клада. А въ царскихъ рукахъ, кладъ становился какъ бы живымъ дѣйствующимъ средствомъ укрѣпленія власти. Чтобы пріобрѣтать вассаловъ и составлять дружину, императоръ одарялъ своихъ приверженцевъ золотомъ и имуществомъ, наглядно показывая такимъ образомъ, что можетъ сдѣлать кладъ, находящійся въ рукахъ законнаго владѣльца. Кромѣ того, мы должны принять во вниманіе, что эти сокровища состояли главнымъ образомъ не изъ чеканныхъ монетъ, а изъ украшеній и уборовъ, потому что, когда германскія племена наводнили римскія земли, римскія монеты, вслѣдствіе указныхъ процентовъ и застоя въ міровой торговлѣ, совершенно потеряли цѣну. Германцы же не обладали необходимыми для большихъ финансовыхъ предпріятій познаніями. Такимъ образомъ они вообще не скоро привыкли къ употребленію римской монеты, поскольку оно не вызывалось потребностями рынка. Клады же составлялись изъ нечеканеннаго и необработаннаго металла. Удивительно ли было, чтокладамъ приписывалась таинственная сила, и что въ особенности царскій кладъ считался

чудеснымъ источникомъ всякаго могущества и съ нимъ были связаны воспоминанія старинной родовой саги. Мы видимъ, что Вагнерова идея клада Нибелунговъ, принадлежащаго франкскимъ царямъ, очень близка къ дѣйствительному положенію вещей. Послѣ возстановленія Имперіи, древнее царское сокровище представляеть намъ въ видѣ драгоцѣнностей; съ обладаніемъ этимъ сокровищемъ было связано и наслѣдованіе короны. Когда въ 1125 году умиралъ послѣдній саліецъ Генрихъ V, то онъ передалъ государственныя сокровища, какъ за сто лѣтъ до этого послѣдній представитель саксонской династіи Генрихъ I, свей супругѣ, которая должна была вручить ихъ его преемнику. Подъ послѣднимъ разумѣлъ онъ Фридриха Швабскаго. Поэтому собственно Фридрихъ Гогенштауфень, который былъ кромѣ того въ родствѣ съ салійскимъ родомъ, и имѣлъ ближайшія права на престолъ. Но даже нерасположеніе князей къ Фридриху и хитрая ловкость архіепископа майнцаго могли воспрепятствовать избранію Гогенштауфена лишь тѣмъ, что архіепископъ майнцскій, лицемерными рѣчами своими выдавая себя за приверженца Фридриха, побудилъ императрицу ввѣрить ему государственныя драгоцѣнности. Листокъ, относящійся къ 1125 году, совершенно опредѣленно объ этомъ свидѣтельствуетъ (Pertz, Monumenta, script. XII 509). Такимъ образомъ власть перешла сначала къ Лотарю Саксонскому, чтобы послѣ его смерти все таки перейти къ династіи Гогенштауфеновъ. Въ исторіи этого избранія мы видимъ: кладъ создалъ правителя.

Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе еще и съ другой стороны, а именно, когда, по низверженіи послѣдняго Меровинга, корона фактически перешла въ руки совершенно новой династіи, то это обстоя-

тельство могли себѣ объяснить и оправдать только таинственнымъ переходомъ королевскаго могущества, запечатлѣннаго въ кладѣ. Какъ бы могъ иначе Пипинъ сознать свои права на престолъ и считать свою власть прямымъ продолженіемъ древней царской власти? Папа Стефанъ оказался въ своей первосвященнической рѣчи, произнесенной имъ въ Сень-Дени 28 іюля 854 года, устами, черезъ которыя Пипинъ выражалъ свои стремленія: подъ страхомъ отлученія обязалъ папа франкскихъ вельможъ, чтобы они никогда и въ будущемъ не выбирали себѣ царя изъ какого-нибудь другого рода, кромѣ того, который теперь и возвышенъ и помазанъ Божьей милостью. Мы видимъ, какъ легко во всѣхъ этихъ историческихъ чертахъ узнать господство опредѣленныхъ представленій, которыя мейстеръ объединилъ въ своихъ «Вибелунгахъ» въ одну цѣльную картину. Даже приведенное имъ воззрѣніе относительно троянскаго происхожденія франковъ находитъ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ капеллана Випона объ избраніи короля въ 1024 году. Випонъ описываетъ обоихъ двоюродныхъ братьевъ изъ салійскаго рода, Конрада Старшаго и Конрада Младшаго, и говоритъ, что ихъ предки происходили отъ древняго рода троянскихъ царей, которые при Ремигii Исповѣдникѣ склонили главы свои подъ иго вѣры. Правда, онъ осторожно прибавляетъ: «говорятъ», но это какъ разъ и свидѣтельствуеъ о томъ, что въ данномъ случаѣ онъ приводитъ лишь общепринятое убѣжденіе. Ремигій же былъ тотъ, кто крестилъ Хлодвигъ, перваго меровингскаго короля.

Представленіе о неземной полнотѣ власти германскихъ императоровъ, послѣ коронованія Карла Великаго господствовало въ продолженіе среднихъ

вѣковъ и нашло свое совершенное выраженіе, когда борьба между императоромъ и папою достигла крайняго напряженія, въ ученіи о двухъ мечяхъ, которое было принято не только въ кругахъ придворной дипломатіи, для оправданія императорскихъ притязаній на власть, но также, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя показанія, находило вѣрныхъ приверженцевъ и въ широкихъ народныхъ кругахъ.

Судья Эйке Репгаусскій начинаетъ свое сочиненіе, написанное между годами 1215 и 1235 и заключавшее систему національнаго права, «Саксонское Зерцало», съ изложенія ученія о двухъ мечяхъ, какъ основы всякаго права (Ssp. Ldr. I. art. 1): «Два меча вручилъ Богъ для защиты христіанства: папѣ данъ мечъ духовный, императору—свѣтскій».

Правда «Саксонское Зерцало» является лишь неофициальнымъ изложеніемъ права, но эта книга достигла, въ особенности въ Сѣверной Германіи, авторитета закона, а вмѣстѣ съ нею также и представленіе о двухъ мечяхъ, соотвѣствующихъ двумъ родамъ власти. Ясно, что Эйке не самъ нашелъ это сравненіе, а принялъ его, какъ уже извѣстное. Образъ взять изъ Евангелія отъ Луки (22, ст. 38): «Они же сказали: Господи, вотъ здѣсь два меча»; и это обстоятельство указываетъ на то, что ученіе это сложилось еще въ самомъ началѣ вражды между императоромъ и папою и имѣло цѣлью найти для притязаній обѣихъ сторонъ установленную самимъ Богомъ границу. Папа и императоръ—два представителя божественной власти на землѣ. Что долженъ фактически обозначать этотъ образъ, въ примѣненіи къ упомянутому, Зерцало объясняетъ въ слѣдующихъ словахъ:

Das ist die bezcêchenunge: swaz deme bâbste widerstê, des her nicht mit geistlichem gerichte getwin-

gen mag, das es der kaiser mit weretlichem gerichtē twinge deme bābste gehōrsam zu wesene, sō sal auch sin geistliche gewalt helfen deme wertlichen gerichtē, ab ez sin bedarf.

Но то обстоятельство, что вообще этотъ образъ могъ быть установленъ, указываетъ на то, что императорской власти приписывалось высшее таинственное происхождение; а что особенно горячо восприняли эту точку зрѣнія императоры Гогенштауфены, доказывается тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, Фридрихъ Второй, пользовался этимъ же самымъ образомъ для оправданія своихъ притязаній. Послѣ того, какъ въ 1230 году между нимъ и папою былъ заключенъ миръ, онъ писалъ папѣ (Schirmacher, Kaiser Friedrich der Zweite, Bd. I):

«Итакъ существуетъ, собственно, какъ мы можемъ повторить, только одно средство исцѣленія и одинъ только мечъ, но одна и та же мать, церковь нашей вѣры, является родительницей и ножнами для обоихъ. И Петръ выраженіемъ «здѣсь есть» хотѣлъ указать, что оба меча покоятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ».

Я отправлялся отъ того положенія, что представленіе о неземномъ происхожденіи императорской власти проявилось въ особенности въ ученіи о двухъ мечахъ. Передъ тѣмъ видѣли мы, какъ въ первыя времена существованія франкскаго государства эта единая власть опиралась въ народномъ представленіи на Imperium Romanum Восточной Римской Имперіи. Оба воззрѣнія соединились, какъ мы видимъ, въ средне-вѣковомъ взглядѣ, въ особенности укрѣпившемся при Гогенштауфенахъ, что императорская власть установлена Богомъ, и что она является восходящимъ къ до-историческому началу продолженіемъ римской императорской власти. То, что называется нами теперь

рецепціей римскаго права въ Германіи, является сильнѣйшимъ выраженіемъ этой идеи.

Въ 530 году императоръ Юстиніанъ назначилъ комиссію, которая должна была собрать юридическій матеріалъ, разбросанный въ различныхъ распоряженіяхъ римскихъ государственныхъ магистратовъ и обработанный юристами и прежними императорскими приказами, просѣять его, исключая все устарѣлое, и привести все это въ систему. Уже въ 533 году этотъ трудъ, названный «Дигестами», былъ готовъ и заключался въ пятидесяти книгахъ. Въ качествѣ введенія, въ особенности для обзорѣнія историческаго развитія, были изданы, вмѣстѣ съ тѣмъ еще составившія четыре книги «Институціи». Оба труда, вмѣстѣ съ обнародованнымъ въ 534 г. въ новой обработкѣ собраніемъ новыхъ императорскихъ указовъ «Кодексомъ», и позднѣйшими сборниками императорскихъ дополнительныхъ законовъ «Новеллами», составили то, что было впослѣдствіи названо «Corpus Juris». Обсужденіе и обработка содержащагося въ «Corpus Juris» матеріала никогда не прекращались даже и во времена германскаго господства въ Италіи; а когда въ Верхней Италіи стали формироваться научныя школы, эта работа возобновилась въ особенности въ юридическихъ школахъ Болоньи и Перуджіи. Излагаемое тамъ право считалось просто правомъ, и когда мысль о томъ, что Германская имперія является лишь продолженіемъ Римской Имперіи, стала распространяться все болѣе, то римское право, обработка котораго глоссаторами въ Болоньѣ послѣ 1100 года возвысилась также до научнаго значенія, стало просто императорскимъ правомъ.

Это обработанное глоссаторами, изложенное въ Corpus Juris право, послѣ этого, незамѣтно для внѣш-

него наблюденія, привилось въ Германіи въ качествѣ дѣйствующаго права и стало постепенно примѣняться. Это явленіе и называется рецепціей римскаго права. Эта рецепція нашла себѣ торжественное выраженіе въ установленіи въ 1495 году государственнаго камернаго суда, который долженъ былъ творить правосудіе, согласно общегосударственному праву, подъ которымъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ употребленіи, разумѣлось римское право. Правда, само вышеизложенное воззрѣніе относительно германской имперіи, какъ продолженія Римской Имперіи, еще не можетъ быть названо рецепціей, но, въ противовѣсъ безконечной раздробленности туземнаго права на многочисленныя частно-правовыя области, должна была явиться потребность въ единомъ мѣстномъ правѣ. Благодаря тому, что нѣмцы, за отсутствіемъ собственныхъ университетовъ, массами отправлялись въ Сѣверную Италію, въ особенности въ Болонью, національныя силы должны были вооружиться знаніемъ римскаго права; самая же рецепція, какъ бессознательное примѣненіе совершенно чужероднаго права, можетъ быть объяснена лишь вѣрою въ Священную Римскую Имперію германской націи. Уже и раньше, когда германскія племена, въ своихъ странствованіяхъ, впервые водворились на почвѣ, насыщенной древней культурой, ими было, въ извѣстномъ смыслѣ, воспринято римское право, были изданы снабженные силою закона обработки юридическихъ писаній, какъ на примѣръ «*lex Romana Burgundionum*» 500 года, «*Breviarium Alarici*» 506 года, «*edictum Theodorici*» приблизительно 512 года. Но въ большинствѣ случаевъ, эти законы оставались мертвою буквою, и не имѣли долговременнаго значенія. Тогда еще не было всеобщей вѣры, которая такъ ярко проявлялась впо-

слѣдствіи, вѣры въ то, что это именно есть право, императорское право. Эти раннія обработки были какъ бы попыткой сознательно наводнить какой-нибудь языкъ чужими словами; рецепцію же можно сравнить съ воспріятіемъ чужого языка вмѣстѣ съ его духомъ, съ его законами строенія фразы, и съ его словесными сокровищами. Это чудо было произведено представленіемъ о германской имперіи, какъ продолженіи римской; представленіемъ, которое должно было особенно рѣзко выступить, благодаря имѣвшему мѣсто при Салійцахъ и Гогенштауфенахъ тѣсному сближенію съ Италіей. Въ пользу того, что Гогенштауфены были сознательными и живѣйшими защитниками и поборниками этой идеи, лучше всего свидѣлствуетъ то обстоятельство, что Фридрихъ Барбаросса приказалъ включить въ «Corpus Juris», точнѣе въ «Codex»—три изданныхъ имъ закона, а Фридрихъ II—десять.

Это ясно показываетъ, что Гогенштауфены сознавали себя въ правовомъ отношеніи преемниками римскихъ императоровъ; они желали этимъ включеніемъ придать своимъ указамъ высшую санкцію и обезпечить имъ болѣе дѣйствительное значеніе въ противоположность центробѣжнымъ стремленіямъ герцоговъ. Въ законѣ, касающемся оспѣлости школяровъ, изданномъ на ронкальскомъ сеймѣ 1158 года, такъ называемой «*Autentica habita super*», Фридрихъ опредѣленно приказываетъ включить свой законъ въ «Corpus Juris», слѣдующими словами: «*Hanc autem legem inter imperiales constitutiones sub titulo ne filius pro patre inseri iussimus*» (с. 5 Cod. IV 13). И изъ этого также можно видѣть, что Гогенштауфены, какъ истинные императоры, были и считались представителями вѣчной императорской власти. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ ихъ династіи угасло и это

представленіе. Поэтому со смертію послѣдняго государя изъ ихъ рода, Фридриха Второго—Конрадъ Четвертый, послѣдній представитель династіи не добился всеобщаго признанія—соединилось представленіе о томъ, что династія не можетъ внезапно исчезнуть, что великій императоръ еще живъ и что онъ вернется еще къ своему народу. Поэтому, какъ теперь окончательно доказано (Koch, Die Sage vom Kaiser Friedrich im Kyffhäuser, 1880), воплощающая это представленіе сага о Киффгейзерѣ относилась сначала къ Фридриху II и лишь впослѣдствіи была перенесена на Барбароссу; новое доказательство того, насколько глубоко укоренилось представленіе о Гогенштауфенахъ, какъ объ идеальныхъ императорахъ. Послѣдніе императоры правда, также присвоивали различные атрибуты римской императорской власти, чтобы достигнуть императорской короны, но при этомъ имъ не хватало чувства необходимости, они не чувствовали себя прирожденными наслѣдниками міра.

Историческая роль изложенной въ началѣ нашей статьи основной идеи «Вибелунговъ» была здѣсь пояснена отдѣльными примѣрами. Я полагаю, что и многія другія идеи разбираемой статьи могутъ быть подтверждены остроуміемъ историковъ-специалистовъ, особенно подмѣченная Вагнеромъ таинственная связь между словами «Нибелунги» и партійнымъ названіемъ Гогенштауфеновъ «Вайблинги». Что же касается меня, то я убѣжденъ, что изъ разсмотрѣнія стало несомнѣнно яснымъ слѣдующее:

Взоръ художника глубоко проникалъ въ сущность народной жизни и народныхъ представленій, которыя мы изъ историческихъ обнаруженій можемъ узнать лишь недостаточно, и о взаимной связи которыхъ мы можемъ только гадать.

Max Zenker.

СОДЕРЖАНІЕ.

«Вибелунги» Вагнера. <i>Эмилій Метнеръ</i> . . .	V—XVI
<i>Рихардъ Вагнеръ</i> . Вибелунги.	1—64
Первобытная царская власть	4—8
Нибелунги	9—14
Вибелинги или Вибелунги	15—19
Вельфы	20—23
Сокровище Нибелунговъ во франкской династіи.	24—27
Происхожденіе и развитіе мѣста о Нибелунгахъ.	28—32
Римское императорское достоинство и римское народное преданіе	33—36
Троянское происхожденіе франковъ	37—43
Реальное и идеальное содержаніе сокровища Нибелунговъ	44—48
«Гибелинская» имперія и Фридрихъ I.	49—55
Выявленіе идеальнаго содержанія сокровища въ легендѣ о «святомъ Граалѣ»	56—59
«Фактическое обладаніе», какъ историческій осадокъ реального содержанія сокровища.	60—64
О «Вибелунгахъ» Вагнера. <i>Максъ Ценкеръ</i>	65—78

* * *

На обложкѣ изображена «железная корона» древнихъ лангобардскихъ королей. Ею, начиная съ IX вѣка, короновались многіе императоры и короли Германіи: 25 декабря 800 года, въ Римѣ, Карлъ Великій; въ 1155 году, въ Павіи, Фридрихъ Барбаресса. 15 марта 1805 года, въ Миланѣ, ею же короновался Наполеонъ, какъ король Италіи.

Железный обручъ, вложенный внутри, выкованъ, по преданію, изъ гвоздя Христова.

* * *